

The book cover features a central parchment-like slip with a torn edge, containing the title and author information. The background is a textured, brownish-gold surface with faint, repeating illustrations of historical scenes, including figures in period clothing and architectural structures. The overall aesthetic is historical and scholarly.

Фридрих Горенштейн

На крестцах

Драматические хроники
из времен царя Ивана IV Грозного

Фридрих Горенштейн

**На крестцах. Драматические
хроники из времен
царя Ивана IV Грозного**

«НЛО»

2002

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Горенштейн Ф.

На крестцах. Драматические хроники из времен царя Ивана IV Грозного / Ф. Горенштейн — «НЛО», 2002

ISBN 978-5-4448-0443-8

В книге «На крестцах», то есть на перекрестке дорог, на распутье, воспроизведены события XVI века – эпохи окончательного формирования империи в последние четырнадцать лет царствования Ивана Грозного. Разгром вольного Новгорода, набеги крымского хана, война с Польшей за Ливонию, отмена опричнины, яростные споры, раздирающие православную церковь, – все это изображено беспристрастно и подробно, со скрупулезной достоверностью. Персонажи хроники говорят на языке, максимально приближенном к реальному русскому языку тех времен. Почти все из них существовали на самом деле. И то, что происходит с ними на страницах книги, чаще всего не выдумано. Читатель не просто погружается в реальность Московской Руси, какой она была почти пять веков назад, в ее коллизии и умонастроения, но, по существу, живет в ней, самостоятельно вырабатывая свое отношение к происходящему. Такова сила таланта Фридриха Горенштейна (1932–2002), крупнейшего русского писателя последней трети XX века.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4448-0443-8

© Горенштейн Ф., 2002

© НЛО, 2002

Содержание

Писатель и история	6
Фридрих Горенштейн	15
Действие первое	15
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Фридрих Горенштейн

На крестцах. Драматические хроники из времен царя Ивана IV Грозного

Писатель и история К первой публикации в России «Избранных сцен» из романа-драмы Фридриха Горенштейна «На крестцах»

Лишь тогда, когда России удастся исцелить свои исторические язвы, бытовые, политические и экономические гнойники, берущие начало в XVI веке, западноевропейские идеи не будут служить солью, эти язвы травящей.

Ф. Горенштейн

В конце 2001 года, будучи уже смертельно больным, Фридрих Горенштейн в последний раз был в Москве. И он сказал тогда в интервью Анатолию Стародубцу: «...в американском издательстве уже на подходе 800-страничный роман-пьеса “На крестцах” об Иване Грозном, написанная на языке того времени. Труд многих лет жизни. Жаль, что этого не прочтет российский читатель, для которого все это и писалось».

Для пессимизма у Горенштейна было достаточно оснований. За десять предыдущих лет у него в России вышла только одна книга – роман «Псалом». Его игнорировали. За год до интервью «ЭКСМО», издавшее «Псалом» отдельной книгой, отказалось переиздать роман «Место» по причине «слишком большого объема»... И вот спустя 15 лет россияне могут наконец начать знакомиться с адресованным им (как, собственно, и все творчество Горенштейна) романом-драмой со старинным названием «На крестцах» (современным эквивалентом названия было бы «На перекрестках» или «На перепутьях»). К сожалению, это, как и многое другое (переиздания книг, экранизации, мировая премьера любимейшего произведения автора пьесы «Бердичев»), происходит уже после смерти ушедшего из жизни в 2002 году автора.

Мегадрама «На крестцах» заканчивается монологом летописца – дьякона Герасима Новгородца: «...Земля уж не выносила злодейств царя Ивана-мучителя, испуская благостные вопли, тихо сама о беде плакала. *(Некоторое время молча пишет.)* Однако пособил Бог, царь отвращался еды и отринул, жестокое свое житее окончив. Давно писал сие, ныне уж оканчиваю написание многогрешною рукою своей. Еще одна последняя епистолия, и летопись окончена моя. *(Пишет.)* ...Сия книга грешного чернеца, дьякона Герасима Новгородца, писана его скверною рукою. Прости меня, Бог. Слава свершителю Богу! Аминь! *(Оканчивает писать и ставит точку.)*»

Думаю, что и сам Горенштейн в момент написания этого последнего монолога, так же как и его герой, испытывал радость и облегчение по поводу окончания многолетнего труда.

Герасим Новгородец не выдуман Горенштейном, он существовал реально. Но для того чтобы он, как и другие исторические личности, стал реальностью для читателя или зрителя будущего спектакля (что в случае с «На крестцах» вполне возможно), нужен автор, его воображающий, в него перевоплощающийся. У Горенштейна в «На крестцах» не меньше сотни действующих лиц, и все они (монархи, военачальники, придворные, священнослу-

жители, простой народ) зримо, объемно – литература и драматургия сценариста-мастера Горенштейна с его любовью к подробностям и деталям – это всегда 3D, если выразиться современным кинотермином, а то и 4D. Перевоплощаясь в своих героев, Горенштейн их как бы рождает из себя заново и сопровождает по жизни, пытаясь увидеть и ощутить их изнутри. Это и есть художественность. А «в художественности дна нет, как в открытом космосе», – написал однажды Горенштейн. В «На крестцах» перед нами предстает, можно сказать, бездонный «русский космос».

Читателю этой книги предстоит глубоко погрузиться в русскую историю. Для чего? На это каждый может и должен ответить для себя сам. Можно сделать это, например, просто проявляя интерес и доверие к писателю, автору знакомых уже великолепных произведений, таких как «Искушение» или «Зима 53-го года»... А вот зачем это путешествие во времени предпринял сам Горенштейн? Какое послание российскому читателю содержит этот труд?

Осенью 1991 года Горенштейн впервые приехал в Москву после 11 лет эмиграции. Бравший у него тогда интервью Виктор Ерофеев спросил: «Ты живешь сейчас с немецким паспортом, в Берлине, и как ты себя ощущаешь, каким писателем: еврейским, русским, немецким?»

Ни один из трех предложенных ответов на этот шуточный и одновременно провокационный вопрос Горенштейну не подходил. Он сказал: «Я не знаю. Мне трудно сказать. Я думаю, что лучше всего сказать, что я специалист по России и специалист по Германии».

На самом деле на вопрос, русский ли он писатель, Фридрих Наумович Горенштейн ответил своим творчеством. Ответил, написав в Берлине без каких-либо договоров с издателями или с театрами две драмы из русской истории, отдав им более 10 лет жизни, – пьесу о Петре Первом «Детоубийца» и предлагаемую ныне вниманию читателей мегапьесу «На крестцах» об Иване Грозном.

Кто еще из современников отважился на такое?

Пьеса Горенштейна «Детоубийца» была в России поставлена в пяти театрах. Писалась ли в расчете на будущую постановку предлагаемая читателю хроника «На крестцах»? Нет, конечно, но писатель, несомненно, мечтал увидеть своих героев на подмостках русской сцены. В одном из писем Лазарю Лазареву сетуя на «разрастание» текста в процессе работы, он замечает: «Для сцены надо будет сокращать вчетверо».

Из письма Ф. Горенштейна Л. Лазареву:

25.4.90 «Уже несколько лет занимаюсь я материалами по Грозному.

Хотел бы Вас спросить – нельзя ли приобрести книгу – “Памятники литературы древней Руси. Вторая половина XVI в.” Москва. Художеств. лит. 1986. Общая редакция Дмитриева и Д. Лихачева. Ф. Гор.»

21.6.90 «Нет ли у Вас кого-либо из людей, близких Д. Лихачеву? Мне бы надо добыть ксерокс по нескольким небольшим работам, на которые Лихачев часто ссылается, но найти я их не могу. Это завещание Ивана Грозного 1572 года. Это текст “Канон Ангелу Грозному”, который Ив. Грозный подписал псевдонимом “Парфений Уродивый”. Это церковные службы Ив. Грозного. А так же сочинения сына Ив. Грозного – Ивана. Житие Святых. Например, “Житие Дмитрия Прилуцкого”. Работы эти считаются второстепенными, не политические, но они важны для меня, потому что личные для моих героев. (Если когда-нибудь у меня дойдут руки и они станут моими героями.) Дело это не срочное. Но вдруг случайно представится возможность».

И еще одно письмо того же года:

30.11.90 «Я взвалил на себя непомерный труд (или, может, возраст уже сказывается?). Три года изучал материал по Грозному. Уж больше месяца пытаюсь начать, но все не получалось, все не то. Написал уже несколько раз первую сцену и выбрасывал. Теперь как будто нашел, но что будет дальше – не знаю.

Я мог бы написать за это время одну-две книги.

Однако романы в русской литературе есть и есть даже неплохие. А пьесы о Грозном нету (пьеса А.К. Толстого – школярское изложение)».

Из письма от 1.6.92: «Я трудно работаю над Грозным. Окончил первую часть в прошлом году и треть второй части в этом году. Все расплзлся за счет риторики. Время было очень риторичное. Без риторики пропадет аромат».

Здесь зафиксирована первая попытка Горенштейна написать вроде бы уже сложившуюся в голове пьесу, точнее, по первому замыслу, две пьесы – театральную дилогию.

Позднее Горенштейн отказался от написанного и в 1994 году начал писать заново. Со второй попытки ему удалось завершить сочинение мегатрагедии.

Вопрос, будет ли его хроника интересна театрам или кино, был для Горенштейна, конечно, второстепенен. Двигало им то, что он видел в современной ему России продолжение ее давней истории, в которой царствование Ивана Грозного он считал ключевым, корневым периодом. О своем понимании времени Грозного Горенштейн высказался в 1991 году в том же интервью Виктору Ерофееву.

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ. Ну так, традиционно, ты веришь в Россию, или тебе кажется, что это – проклятое место?

ГОРЕНШТЕЙН. Это неправильная формулировка. Что значит «веришь в Россию или не веришь» – это говорили так называемые национал-патриоты: «В Россию можно только верить».

Я думаю, что Россия встанет. Только она должна (будет) отказаться от каких-то важных своих костылей. Прежде всего, арифметика должна быть другой. Мне не нравится арифметика в 72 года (время правления коммунистов. – Ю.В.). Это 450 лет. Это структура 450-летней давности, и это очень важно.

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ. То есть 72 года – это болезненный момент, но все эти болезни начались гораздо раньше.

ГОРЕНШТЕЙН. Гораздо раньше. Как раз Калита, как раз период Ивана Грозного, когда страна могла сложиться совсем по-другому. И конечно же, что за тема «Ивана Грозного»? Это победа одного образа жизни над другим образом жизни. Это победа московского монголоидного кочевого образа жизни над новгородско-псковским образом жизни эгоистически-индивидуальным.

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ. И гораздо более свободным...

ГОРЕНШТЕЙН. Свободным и умелым, ничем не отличающимся от Запада. И вот три века потомки Калиты ломали хребет этой России, и сломали ее только к концу царствования Ивана Грозного. Отношения между монголоидной Москвой и Новгородом было такое же, как теперь отношение между Россией и Литвой. Они завидовали, они ненавидели. Они старались там поселиться. Они всячески переселяли новгородцев и псковцев куда-то в глубинные места... То есть мы узнаем современные проблемы. Мы подошли опять к проблемам, которые существовали 450 лет назад.

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ. Значит, для России важно вернуться что, к новгородскому вече или к чему?

ГОРЕНШТЕЙН. Нет, не к новгородскому вече, а к образу жизни эгоиста, образу жизни индивидуалиста...

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ. Европейскому образу жизни?

ГОРЕНШТЕЙН. Тому образу, который существовал до того, как Калита создал это государство.

Это сказано уже после нескольких лет изучения материала и первых проб. То есть формулы Горенштейна не умозрительны, а возникли в процессе работы.

Но Горенштейн, изучая горы исторических документов и книг и обретая свое видение целого, не подверстывает драму под это свое видение событий, видение истории. Он следует за «бегом времени». В этом одна из причин разрастания текста в процессе написания.

Предпоследнее крупное сочинение Фридриха Горенштейна «На крестцах» – это хроника жизни России в последние 14 лет правления Ивана Грозного с декабря 1569 года. Как и в его драме «Детоубийца» о Петре Первом, герои говорят языком весьма приближенным к речи описываемого времени. Это было очень важно для писателя.

Помимо большого значения для него подлинности речи героев, Горенштейн говорил, что в романной форме ему бы не удалось достичь стилистического единства, так как речь героев находилась бы в конфликте с современным языком повествования и в результате получился бы кич. Поэтому Горенштейн и отказался от повествования, от романа, и выбрал чистую драму.

Повторю, что работа над «На крестцах» тяжело далась автору. Хроника этой работы хорошо отразилась в его письмах Лазарю Лазареву. Вот два последних упоминания:

1995–1996 «Я все не могу вылезти из Грозного. (А.К. Толстой тоже возился с Трилогией семь лет.) Впрочем, уже в этом году надеюсь вылезти хотя бы вчера».

15.7.96 «Я продолжаю работать над Грозным. Над эпилогом. Но это еще страниц 50. А всего будет страниц 600–700 (Горенштейн как-то по-своему вычислял количество печатных страниц. – Ю.В.), хоть надеюсь сократить. Роман-пьеса».

На последние «50 страниц» ушло еще полгода работы. Свой многолетний труд Горенштейн завершил в марте следующего 1997 года. Текст уместился на более чем 1600 рукописных страницах, дав в итоге чуть больше 1000 страниц книги.

Параллельно с работой над «На крестцах» (подготовкой и написанием первого варианта) Горенштейну удалось написать также и немало другого, в основном рассказы, повести и сценарии. Последние в основном ради заработка, но Горенштейн просто не умел «халтурить», и кинопроза его всегда была высочайшего качества.

Однако в течение двух с половиной лет второй попытки написания «На крестцах» Горенштейн ничем другим уже не занимался.

Закончив «На крестцах» и не надеясь при жизни увидеть книгу напечатанной в России, Горенштейн в том же последнем московском интервью 2001 года, отвечая на вопрос, чем особо дорого ему это произведение, рассказал Анатолию Стародубцу:

«Там среди прочего есть очень важный для меня эпизод. Во времена Грозного рядом с Кремлем на Варварке (на том месте, где теперь церковь) была установлена Варварина икона, написанная Андреем Рублевым. Но позже ее подновлял некий Аламний, который завидовал и ненавидел Рублева. Из мести он пририсовал на внутренней деке рублевской иконы черта. Никто этого видеть не мог. Но фактически получалось, что прихожане многие годы молились и черту тоже. Только юродивый Василий Блаженный каким-то шестым чувством это уловил и на глазах изумленной публики несчастную икону разбил. За это толпа его растерзала».

Был ли сам Горенштейн человеком, иногда догадывавшимся или знающим, где таится невидимый для других черт? Блаженным он не был, а вот пророком его величали между собой многие, знавшие его.

Как оценить написанное Горенштейном в «На крестцах»? В чем разница в подходах к событиям прошлого историков и писателя?

Мне как-то довелось услышать от философа Александра Пятигорского следующее высказывание:

«Я просто думаю, что, говоря об истории, люди смешивают две вещи: ход событий, который они могут знать или не знать, и второе – человеческая идея об истории, которая может вообще не иметь никакого отношения к ходу событий, это просто стойкая

привычка сознания рассматривать какие-то факты как исторические. Я думаю, что наука история, конечно, строго говоря, имеет дело, прежде всего, с сознанием, а не с такими, казалось бы, природовидными событиями. И очень трудно, конечно, убедить в этом историка, для которого есть некая абсолютная историческая объективность. Хотя многие историки стали понимать, и даже раньше понимали, что история – это подход к событию, а не сами события. Это способ нашего мышления о событиях, который мы называем историей. Есть много древних культур, которые, наблюдая события, никогда не наблюдали их исторически. Были культуры древние, где людей никогда не интересовало, что было до и что было после. Мы же универсализируем наш исторический подход, считая его абсолютным».

То, что история и ее интерпретации то и дело становятся предметом для манипуляций в политических целях, мы видим в наши дни и, несомненно, будем видеть и далее. И в самом труде Горенштейна, в его финале мы видим, как пишется официальное житие Ивана Грозного, пишется под строгим присмотром власти, пишется по канонам жития святых, то есть не считаясь с фактами реальной жизни и деятельности царя. Но есть, однако, еще и Герасим Новгородец.

Один из ярких примеров описанной попытки политики кроить и интерпретировать историю в угоду своим интересам в прошлом был явлен в беседе Сталина с Эйзенштейном по поводу первой серии фильма о все том же Иване Грозном. Беседу записал присутствовавший на ней и участвовавший в разговоре исполнитель роли Грозного Николай Черкасов. Причем не только Сталин, но и Жданов с Молотовым высказывались на тему, как именно надо изображать то или иное историческое явление, в частности опричнину.

«Сталин. Вы историю изучали?»

Эйзенштейн. Более или менее...

Сталин. Более или менее?.. Я тоже немножко знаком с историей. У вас неправильно показана опричнина. Опричнина – это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, – образовалась регулярная армия, прогрессивная армия. У вас опричники показаны как ку-клукс-клан.

Эйзенштейн сказал, что они одеты в белые колпаки, а у нас – в черные.

Молотов. Это принципиальной разницы не составляет.

Сталин. Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения... Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI (вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе.

Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. В показе Ивана Грозного в таком направлении были допущены отклонения и неправильности. Петр I – тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России. Еще больше допустила его Екатерина. И дальше. Разве двор Александра I был русским двором? Разве двор Николая I был русским двором? Нет. Это были немецкие дворы.

Замечательным мероприятием Ивана Грозного было то, что он первый ввел государственную монополию внешней торговли. Иван Грозный был первый, кто ее ввел, Ленин – второй».

В конце беседы Сталин, можно сказать, «проговорился», дав свой собственный, личный взгляд властителя на фигуру Грозного.

«Сталин. Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее».

Не скажу за Сталина или Эйзенштейна, а вот о Горенштейне историк Ирина Щербакова, хорошо знавшая творчество автора «На крестцах» и его лично, сказала с убежденностью: «...у него был безусловно дар погружения в историю».

Уже начав собирать материалы для Грозного, Горенштейн в повести «Последнее лето на Волге» (1988) пишет: «И вот в наше итоговое время принудительно, рукотворно слились в русском море славянские ручьи, образовался огромный искусственный водоем-океан, который мелеет и иссякает. Особенно же мелеет и иссякает русская жизнь, русский национальный характер. Мелеть он начал не сегодня, не вчера, не позавчера, а более чем четыреста лет назад, когда был избран принудительный, рукотворный поворот чужих ручьев и рек в русское море. Понять это до конца может не взгляд изнутри, не русский ум, а скорей орлиный взгляд сверху, внешний взгляд Шопенгауэра или Шекспира, а то и скромный взгляд со стороны таких пасынков России, как я...»

Горенштейн был свободен от каких бы то ни было идеологических установок и табу. Он следовал своему дару и чутью.

В эссе «Лингвистика как инструмент познания истории» (1993) Горенштейн изложил свое кредо в подходе к изображению исторических событий:

«...На мой взгляд, литератор, обеспокоенный современностью и желающий изучить и восстановить ее исторические корни, должен забыть о своих идеологических и философских пристрастиях, так же как и археолог, осторожно снимающий верхние слои и добирающийся все глубже к нижним, или как аморальный гробокопатель, будоражающий мертвых. Да, я бы сказал, в подобной работе надо забыть даже о морали. Мораль необходима в истории живой, в истории мертвой, в истории “обратного хода” надо попытаться взять за образец аморализм “чистой сердцем” природы. Ибо только та история правдива, в которой о мертвых, кто бы они ни были, не боятся говорить плохо, вопреки пословице. Но и не стараются использовать безответность мертвеца, чтобы пнуть его ослиным копытом. Особенно когда мертвецу-империи 450 лет.

В драме “Детубийца” из петровской эпохи, оконченной мною в 1985 году, и в диалогах из времен Ивана Грозного “На крестцах”, над которыми уже несколько лет продолжается работа, я стремлюсь использовать для познания исторических фактов лингвистику эпохи, причем не только по проверенным источникам, но часто по мифологии и фольклору. Пытаюсь через слова, произносившиеся давно истлевшими устами, ощутить живую суть послемонгольской России, крестьянской Азии, упорно, с энергией, со страстью отрицающую торгово-промышленную Европу».

Писателя Горенштейна в людях и ситуациях всегда интересовали подробности, даже самые мельчайшие. И результат его труда в «На крестцах» поражает – такого полного собрания поступков, помыслов, взглядов, страстей и фобий Ивана Грозного до Горенштейна явлено не было. И все это в драматической форме, в действиях. Исчерпывающий портрет. Международная политика, войны, и наряду с этим убийства, совершаемые царем лично, казни, изнасилования, садизм, 8 жен, 1000 других женщин... И при этом подлинный интерес царя к науке, к книгам, к мудрости... Но еще больше к властвованию с учетом рекомендаций Макиавелли, которого читал и Сталин. Борьба Бога и дьявола, клубок противоречий в душе этого человека. Странности на первый взгляд: при всем его стремлении возвысить Россию и оградить ее от иноземных влияний, мы видим его тягу к Западу, стремление влить Россию в

Запад. Иван Грозный прожил 53 года, из них 50 лет он был на троне. В событиях последних 14 лет царствования, отраженных в пьесе Горенштейна, мы видим царские победы и поражения в войнах, его ум и одновременно его трусость и малодушие, например готовность бежать от опасности пленения крымским ханом в Англию, бежать, прихватив с собой свои сокровища. Мы видим его попытки жениться в девятый раз (церковь позволяла монарху только два брака) – на английской принцессе, а до того – на сестре польского короля и многое другое...

Историка всегда может опровергнуть другой историк. Но историку не под силу опровергать талантливого писателя или драматурга. Горенштейн явил нам свою историю периода Грозного. И дал он нам ее не умозрительно, а чувственно, с поистине шекспировским размахом. С такой же художественной силой и убедительностью.

Например, царь Иван, показанный как садист, как закоренелый грешник, сочувствия не вызывает, кроме одной минуты, одной сцены. Это момент, когда он осознает, что скорее всего непреднамеренно убил родного сына и уничтожил таким образом своими руками возделенную возможность продолжения династии. И в перевоплощении в эту минуту Фридриха Горенштейна в Грозного автор заставляет нас вопреки всему пожалеть этого изверга. В таких чудесах восприятия проявляется высочайшее мастерство и талант автора.

В нескольких сценах дано незримое, но явственное присутствие дьявола, о котором герои нередко рассуждают. Дьявол здесь не материализуется, как в снах героя в имеющем немалое сходство с «На крестцах» сценарном повествовании Горенштейна о Тимуре – Тамерлане. Но дьявол, повторюсь, присутствует, хотя и незримо, и некоторые герои, например обуреваемый гордыней завистник Андрея Рублева художник Аламбий, да и сам Грозный присутствие дьявола чувствуют, и эти ощущения героев благодаря мастерству Горенштейна передаются читателю.

Горенштейну удалось также и многие массовые сцены – народные и батальные, например оборона Пскова.

Вообще же лучшие сцены мегатрагедии Горенштейна не уступают по мастерству шекспировским хроникам.

При понимании Горенштейном истории России после конца царствования Грозного как 400 лет своеобразного застоя, саму жизнь при Грозном он рисует многообразной на всех уровнях и в массе подробностей.

«На крестцах» начинается с разгрома Грозным Новгорода и Пскова, а заканчивается уже после смерти самодержца, в дни царствования его слабоумного сына Федора, при реальном правлении Бориса Годунова. Но в финале сочинения Горенштейна на первый план выходит не новый царь Федор и его приближенные, не Годунов, а Василий Блаженный, блаженная Анница (яркий образ, рожденный творческой фантазией Горенштейна) и летописец Герасим Новгородский.

Горенштейн в своем творчестве показал себя незаурядным и ни на кого не похожим драматургом. Лингвистический подход привел его к созданию трех монументальных речевых фресок разных исторических эпох – пьес «Бердичев», «Детобийца» и мегатрагедии «На крестцах». Совсем недавно в московском театре «Мастерская Петра Фоменко» состоялась мировая премьера первой пьесы Горенштейна «Волемир». Ждет своего открытия русским театром его мощнейшая пьеса «Споры о Достоевском». Станет ли материалом для театра, кино или телевидения эпопея «На крестцах», мы не знаем, но прекрасно, что она наконец приходит к русскому читателю.

* * *

И в заключение несколько заметок об издательской истории книги. Тому, что мы вообще можем сегодня издавать, а читатель читать «На крестцах», мы во многом обязаны

берлинскому биографу Горенштейна Мине Полянкой и ее семье и нью-йоркской издательнице, к сожалению, уже ушедшей из жизни, Ларисе Шенкер. Мина Полянская рассказывает:

«У Фридриха Горенштейна был нечитаемый почерк, а к концу жизни стал абсолютно неразборчивым. Писатель попросил нас, своих друзей (меня, моего мужа Бориса Антипова и сына Игоря Полянского), записать текст рукописи “На крестцах” на магнитофон, на что мы, несмотря на трудности исполнения такой записи (800 страниц!), дали свое согласие... Текст об Иване Грозном, предназначенный для издания в руководимом Ларисой Шенкер нью-йоркском издательстве “Слово-Word”, мы записывали по выходным дням в течение двух лет!

...Параллельно с записыванием текста велась еще одна трудоемкая работа. В Берлине был нанят оплачиваемый “Словом-Word” специалист, который записывал частями текст с аудиокассет, создавая компьютерный вариант. Распечатанные “куски” текста Фридрих Горенштейн проверял, а затем отправлял Ларисе Шенкер по почте кассету компьютерного варианта и распечатанный, проверенный, выправленный его, Горенштейна, рукой текст. Однако и на этом текстологическая работа не считалась завершенной. Лариса Шенкер после второй проверки отсылала тексты Горенштейну на вторичную проверку. Горенштейн вновь просматривал его, а затем как окончательный вариант отсылал Ларисе Шенкер».

(Отрывок из книги «Берлинские записки о Фридрихе Горенштейне». СПб., 2011)

Отдавая должное самоотверженности семьи Мины Полянкой и издательницы Ларисы Шенкер, нашедшей в США грант на издание этой книги, равно нельзя не сказать, что, тем не менее, книга вышла с сотнями опечаток, часто с искажениями смысла написанного... К сожалению, по причинам, не зависящим от готовивших нынешнее переиздание, в их распоряжении, кроме книги, изданной в Нью-Йорке, и рукописи, хранящейся сейчас в архиве писателя в Бремене, не оказалось ни дискет, ни компьютерных распечаток.

Но то, что есть, есть, а то, чего нет, нет. Редакторы нынешнего издания проделали кропотливую текстологическую, изыскательскую и корректорскую работу и надеются, что книга будет больше соответствовать авторской версии текста. В силу заранее оговоренного ограничения объема, мы отобрали для нынешнего издания лишь 63 сцены из 142, дав в нужных местах краткое описание не попавших в этот выбор сцен. В связи с этим мы в основном отложили на будущее описание батальных эпизодов или эпизодов слишком риторических. К сожалению, из-за этого пришлось оставить за пределами нашего издания еще многие драматические удачи и красоты, созданные пером Горенштейна, хотя все сцены написанной Горенштейном мегадрамы заслуживают внимания читателей, а равно и интерпретации в театре, кино и на телевидении. Но издание полного текста – дело пусть, может быть, и недалекого, но будущего.

Огромную благодарность издатели, составители и редакторы хотят выразить веб-дизайнеру нью-йоркской книги Богдану Бурмичу, у которого чудесным образом сохранилась верстка книги, избавив нас либо от необходимости сканировать текст в 1065 страниц, либо от трудоемкой задачи набирать ее заново. И то и другое привело бы скорее всего к появлению новых ошибок в тексте, которых из без того было предостаточно.

В самом начале своего эссе 1993 года «Лингвистика как инструмент познания истории» Горенштейн написал: «Почти десять лет тому назад, с конца 1983 года, периода для истории ясного и неподвижно-застойного, мной вдруг начал овладевать “исторический невроз”. Так в тяжелый душный день хочется ветра, беспокойства, неопределенности. Из этого чувства родился замысел драмы о петровской эпохе, судьбоносной для России и для Европы».

Этот «исторический невроз», принесший свои творческие плоды, растянулся у писателя на всю последующую жизнь.

Юрий Векслер
Берлин, 17.12.2015

Фридрих Горенштейн
На крестцах
Драматические хроники из времен царя Ивана IV Грозного в шестнадцати действиях, ста сорока двух сценах (сцены, не включенные в настоящее издание, обозначены курсивом)

Биография Ивана Грозного невозможна. О нем мы знаем мало.
Историк Платонов

Холодный пепл мертвых не имеет заступника кроме нашей совести.
Историк Карамзин

Действие первое

Сцена 1

Тверь. Тверской Отроч Монастырь. Келья бывшего митрополита Филиппа, полутемная и тесная. Филипп шепчет молитву. Входят два монаха

Первый монах (*умиленно*). Филипп святитель, воздевши руки, на псалмопении божественном стоит.

Филипп (*оглядываясь*). Иноки, а чего придоша оба, коли я на молитве стою?

Второй монах. Святитель благословенный! Царь Иван Васильевич ныне был в Твери и, по слуху, сюда, в Отроч монастырь, вознамеривается.

Первый монах. По дороге идучи в Тверь, царь повелел Малюте Скуратову к нам в Отроч монастырь, к тебе, опальному, наведаться.

Второй монах. Оттого, святитель, повинны мы вновь одеть на тебя оковы, чтоб не опалился государь на нас и не погубил нас самих смертными муками. Ибо государь повелел тебя по рукам и ногам и по чреслам наитягчайшими веригами оковати, повелел в твердые затворы и замки заключити и так держати. Мы ж, стражи твои, любя тебя, преподобного, то царское повеление порушили, от оков избавивши да поклавши их рядом. (*Монахи берут оковы и надевают их на Филиппа.*)

Первый монах (*плача*). Прости, святитель.

Филипп. Не плачьте, иноки. Исполняйте.

Второй монах (*плача*). Как же не восплакать, не возрыдать, не припасть к коленам твоим, святителя, исполняя по нужде веление прегордой власти?

Филипп. Иноки, пошто царь в Тверь пришел?

Первый монах. Святитель благословенный, меж Рождеством и Крещением избрал царь и великий князь Иван Васильевич время, чтоб идти с великою опалою в Великий Новгород.

Филипп. То его напустили недобрые клеветы.

Второй монах. Наущением и злоумышлением богоотступников, злых и буянных чело­веков, хищников от действия неприязного супостата дьявола, в уши царя была нашептана кле­вета на архиепископа Пимена, на владычных бояр и изящных¹ именитых жителей градских.

Филипп. Дождался и Пимен. Прежде был тот Пимен чистого житья, однако ради своих благ и чинолюбия почал прихлебывати да прислуживати тирану, мучителю, и вкупе с ним меня несправедно гнати. Говорил я ему: а мало пожди – и сам смертную чашу изопьешь от него, мучителя.

Первый монах. Бог ожесточил сердце царю великим гневом и неукротимой яростью, и великим озлоблением. Не одни лишь Новгород и Псков, а и Тверь осуждена на кару.

Второй монах. Царь на Твери многия люди побил, через Волгу раза два и три пере­лезая.

Первый монах. Тако ж и иные города подлежали разорению: Торжок, да Высшний Волочек, да Клин. Клин первый испытал царский гнев.

Второй монах. Гневен царь.

Филипп. Царь ли то! Царя ли тут усвоаем? Навуходоносор. Не монарх, не властитель, не самодержец, не Август Кесарь. Кровопойный сумасброд вступил в войну с прошедшими веками, дико мстя живым за давно умерших. Тверь осуждена на кару в воспоминание о тех временах, когда тверские князья боролись с московскими предками царя Ивана, с семенем Калиты. Клин, да Торжок, да Высшний Волочек, все те города тогда не у Москвы, у Твери были. А мог бы, то и всему народу русскому отомстил. При опричном утверждении он уже обвинял весь русский народ, что в прошедшие века этот народ не любил царских предков. Однако особая нелюбовь царя к двум землям вечевой свободы – Новгороду да Пскову. Нов­городцы издавна знают о той царской злобе, давно чувят над собой беду, и как был я мит­рополитом, то просил ходатайствовать за них перед царем. Не раз ходатайствовал я за Нов­город и иных опальных к жестокой самоуправной и надменной прегордой власти, паче же сказать, прелютому ненасытному кровоядцу, оному зверю, к лютому да хищному. А вот чего достиг! Повелел оковать меня тягчайшими цепями, ввергнув престарелого и измученного, утомленного да удрученного великими трудами и с немощным его телом в темницу.

Шум. Вбегает третий монах

Третий монах. Святитель Филипп! Царь Иван Васильевич приехал в Отроч и идет к тебе.

Быстро входит царь Иван. С ним Малюта и опричники

Иван. Мир тебе, преподобный епископ.

Филипп. Не епископ я, государь. Нищий монах в заточении.

Иван. Не тяжко ли тебе живется, не тесно ли тебе?

¹ *Изящный* – ловкий, знатный (старорус.).

Филипп молчит

Малюта. Отвечай государю!

Филипп. От молодости, государь, был я украшен добровольной монашеской нищетой. Так и ныне ничего.

Иван. Знаю я твою прежнюю благолепную жизнь иерея. Знаю, что ты духом тверд, и крепок, и мужественен. А хочешь ли, то сотворю тебя беспечальным на сем свете, и ничто не надобно тебе будет?

Филипп. Я монах. А кроме молитвы Божией ничего мне не надобно.

Иван. Однако и монашеская набожность боится дьявола.

Филипп. Все в человеке доброе и злое от него самого. И дьявол не может отвлечь человека от доброго.

Иван. Что ж, ты и впредь желаешь оставаться иноком?

Филипп. Иночество Богу угодно.

Иван. Если бы иноческое жительство было действительно угодно Богу, то сам Христос и божественные ангелы носили бы иноческий образ. Но мы видим Христа и Его ангелов в мирском. *(Монахам.)* Снимите со святителя оковы.

Первый монах. С превеликой радостью, милостивый государь!

Монахи снимают с Филиппа оковы

Иван. Теперь вон идите. *(Монахи уходят.)* Доволен ли ты сотворенною милостью?

Филипп. Не подобает государю зло чинить, без милости казнить. Подобает государю милостивым быть.

Иван. Я, государь, от Бога поставлен лихо творящих казнить, а добро творящих жаловати. Благослови меня, святитель, на разгром новгородских изменников.

Филипп. Как же просишь у меня благословения? Против меня самого собрал ты скверное сборище иереев Вельзевула и проклятый сонм согласников кияфиных² и выставил скверных людей, лжесвидетелей, клеветателей, мужей скверных, предателей своего спасения. И ободрали с меня спасительные одежды, и в руки палача мучителям отдавши. И, нагого, влекли меня из церкви, сажали на быка опако, сиречь задом. И били люто, нещадно тело мое, удрученное многими постами, и возили по площадям, крепостям и городам. Но я терпел все сие, будто не было у меня тела, одна лишь недоступная твоим мучениям душа, и благодарил Бога в хвалах и пениях, благословляя толпу горько плачущих и рыдающих. Ныне же без стеснения просишь у меня благословения?

Иван. Святитель, прости меня по-христиански. Все сие оттого, что не возжелал ты пособить мне против измены. Знаешь ли, с молодости я тебя любил, да и настоял, чтобы тебе занять митрополичий престол, видя в тебе пособника во спасении Святой Руси от ереси. Читывал ведь и ты давние книги Иосифо-Волоколамского монастыря, Иосифо списание на новгородских еретиков. Благослови же меня, святитель, а также мысли на возвращение на митрополичий престол.

Филипп. Царь, ежели обещаешь покаяться в своих грехах и отогнать от себя оный полк сатанинский, собранный тобой на пагубу христианам, опричников, сиречь кремешников, я благословлю тебя и прощу по-христиански, и на престол мой, послушав тебя, возвра-

² *Согласников кияфиных* – по имени Каиафы (Кияфы), первосвященника Иудей с 18 по 37 г., осудившего Иисуса Христа.

щусь. А ежели нет, то будешь ты проклят в сем веке и в будущем, и с кромешниками твоими кровоядными, и со всеми согласующими тебя во зле.

Иван (*сдерживая гнев*). Чернец, да почто ты из монастыря, из кельи хочешь меня, государя, учить, не зная ничего, что ныне открыли изменников, которые готовили передачу Новгорода и Пскова Литве!

Филипп. То, государь, похульный слух пошел. Также по тому похульному слуху оставил ты кровавые следы, идучи в Тверь.

Иван (*вопит гневно*). Повсюду заговоры. Особо же в Новгороде сделали они заговор великий! Мы, московские цари, владетели Новгорода. Они ж, заговорщики, вечевые мужики, купцы да бояре, хотят по дьявольскому наущению перейти в латинскую веру, а кто не желает от христианской веры отречься, то тех в темницы бросают, голодом морят, имущество себе забирают. Оттого и иду я вероотступников наказывать для спасения Святой Руси.

Филипп. Все то ложь, царь. Не для того идешь ты, чтобы Русь спасать. Утесняешь ты народы, особо же убогих. За утеснение убогих обещаны огненные муки.

Иван. Вижу, не понял ты милости моей. Одеть вновь на него вериги. (*Опричники надевают на Филиппа оковы.*) Лучше ли тебе, чернец, в оковах? (*Смеется. Опричники смеются.*) Сиди так, а день-другой спустя пошлю в тюрьму кое-кого из своих соратников посмотреть, не умер ли уж. (*Смеется.*)

Филипп. Ежели душа свободна и чиста, то и оков не будет.

Иван. Снимать их чарами? Ежели увидите, что оковы рядом лежат, то подробно возвестить, чтоб знал: чары он пустил, мой враг и изменник. А за чары – сожжение.

Малюта. Государь, надо бы медведя к нему пустить. Ежели чаровник, то поглядим, не околдовал ли зверя.

Иван. Добро. Изморив голодом, свирепого медведя пустить к нему, епископу, в темницу.

Филипп. Царь, уподобившись во зле первому и самому лютому дракону, сиречь очень большому змию, губителю рода человеческого, ты, лютый зверь, не сыт еще кровью. Кровь тебя разлакомила, а с тобой паразиты полулукавые, тунеядцы, шуты, также тати, воистину разбойники, человеки, полные бесчестных мерзостей.

Иван (*свирепо вопит*). Он чаровник. Отвести его в Слободу и сжечь на горящих углях. Знаешь ли Слободу, чернец?

Филипп. Знаю любимую твою крепость, называемую Слободой, что наполнена христианской кровью. Упорство твое, царь Иван, в грехе последнем соберет тучи над твоей головой.

Иван (*вопит*). Удушить его немедля подушкой!

Малюта. Любо, любо, моя-то работушка ко мне пришла.

Филипп. Царь Иван, с детства ты воспитан буен, самодуром. (*Крестится.*) Прими мою душу, Господи.

Малюта. Иди, чернец, с миром. (*Душит Филиппа подушкой.*)

Иван. У которого против государя, Божьего помазника, неподобная речь, и кто станет браниться и задираться, имея к государю ненависть, то уж ум его отнимется. Почнет он без ума ходить и без призору умрет. Так всем изменникам будет, особо же новгородцам. Опричным воеводам учинить около Великого Новгорода велики сторожни и крепки заставы, дабы ни одному человеку из города не убежать.

Малюта. То сделаем, государь. (*К опричнику.*) Покличь монахов. (*Опричники уходят.*)

Иван. Объявить повсеместно: «Бывший митрополит Филипп умер в заточении нечаянной смертью от угара».

Входят монахи

Малюта. Иноки, бывший митрополит умер от угара.

Иван в сопровождении Малюты и опричников уходит

Первый монах (*с плачем*). Мыслью, святитель благословен задушен по велению царя от прелютого и бесчеловечного кромешника, собственноручно от Малютки.

Второй монах (*с плачем*). Погребем святителя за алтарем. А время придет, и перевезем священномученика в Соловки для народного почитания. А еще время придет, то будет он причислен к лику святых и открытые мощи его будут поставлены в кремлевском Успенском соборе.

Первый монах. Аще так, аще иначе будет он увенчан от Христа венцом. От Христа, которого смолоду полюбил и за которого со страстью принял и страдания.

Монахи выносят мертвого Филиппа

Занавес

Сцена 2

Новгород. Вечевая башня с колоколом. На Софийской стороне около Детинца. Площадь заполнена взволнованным народом

Тверичанин (*звоня в колокол, кричит*). Беда! Побил нас государь!

Первый из толпы. Кто-то кричит.

Второй из толпы. Тверичанин к нам в Новгород прибег.

Третий из толпы (*звонит в колокол*). Жителя новгородские! Беда велика! Воспалился грозный царь Иван Васильевич, что надо казнить Новгород и Псков, не оставить на улице ни курицы!

Четвертый из толпы. Он не царь нам – князь московский!

Дьяк Долматов. Опомнитесь, народ! Он государь!

Пятый из толпы. Ставьте щит против государя! Запрем ворота!

Дьяк Долматов. Разумное ли кричишь? Кто-то кричит?

Пятый из толпы. То, дьяк Долматов, смельчаки кричат. Ты смельчак ли, дьяк Долматов?

Дьяк Долматов. Смельчаки кричат, а благоразумные останавливают. Не доводите до кровопролития, жители новгородские.

Первый из толпы (*звонит в колокол*). Хай посадник скажет, боярин Василий Дмитриевич Данилов.

Данилов. Жителя новгородские! Все города, большие дороги и монастыри от Слободы до Лифляндии заняты опричными заставами. Деваться нам некуда. Некий волшебник подбросил князю московскому Ивану письмо, а в оном говорится, что Новгород отказывается

прочь от него. Царь рассердился и, идучи на нас, стал дорогою казнить людей занапрасно. А что нам будет – хай беглые скажут, с которыми уже сделалось.

Первый беглый. Жителя новгородские, по всей-то дороге от Твери и Торжка к Новгороду все почти деревни московский князь разорил. Так и по другой дороге Новгорода. На Твери многие люди побиты. По пути их разоряли и убивали.

Второй беглый. Я из Клина. Царь с отрядом кромешным как прибыл в Клин, то учинил расправу. Кромешники убивали кого попало. Мы, испуганные жителя, ни в чем не повинные, не разумеющие, что это значит, разбегались куда ни попало. Жену мою побил и детей малых. *(Плачет.)*

Первый из толпы. Не царь то православный. Полуверок!

Беглый купец. На Твери царь пять дней стоял. Сперва ограбил всех духовных, начиная с епископов. Мы, мирские жителя, думали, что тем дело кончится. Однако спустя два дня по царскому приказанию опричники бросились в город, бегали по домам, ломали всякую домашнюю утварь, разбивали ворота, двери, окна, забирали всякие домашние запасы и купеческие товары. Воск, лен, кожу и прочее свезли в кучи да спалили. Потом удалились. Мы, жителя мирские, опять почали думать: истребив наше достояние, нам хотя бы оставили животы. Однако внезапно опричники сызнова явились в город, почали бить кого попало, мужчин, женщин, младенцев. Иных жгли огнем, других рвали клещами, тащили и бросали тела в Волгу. Многих побили. *(Плачет.)*

Третий беглый. Также и в Торжке. *(Плачет.)*

Четвертый беглый. Также и в Вышнем Волочке. *(Плачет.)*

Пятый беглый. Я из Волдая. *(Плачет.)*

Шестой беглый. Я из Язжелбицы. *(Плачет.)* По обе стороны от дороги опричники разбегались, убивали людей, достояние грабили. *(Плачет.)*

Первый из толпы. Что-то оному грешному царю и слова правды никто не скажет?

Монах. В тверском Отроч монастыре задушен митрополит Филипп за смелое слово правды.

Второй из толпы. Не великий князь то, не государь, щелкан³ то! *(Звонит в колокол.)* Не хотим государем щелкана. Уж лучше в Литву подадимся, к польскому королю.

Третий из толпы. В Литву хотим! К польскому королю хотим!

Данилов *(звонит в колокол)*. Жителя Великого Новгорода, по сему делу говорите! Что известные торговые гости скажут Федор да Алексей Дмитриевич Сырковы?

Федор Сырков. Как торговый гость новгородский, к тому же и новгородский дьяк, скажу. Мы не отчина великого князя. Великий Новгород из века вольная земля.

Алексей Сырков. Великий Новгород сам себе государство, и к кому податься разбирать можем.

Мужик *(звонит в колокол, кричит)*. Испокон Москва нас утесняет. Как занял московский князь Новгород, то отнял у нас Волхову и иные воды утечные, отнял у нас ловы уток, отнял у нас поля заячные...

Данилов. Что тысячник скажет Андрей Васильевич Тулупов?

Тулупов *(звонит в колокол)*. Я, тысячник шелонской пятины, за новгородскую вольность.

Данилов. Ты скажи, владычин дворецкий, Неудача Цыпляев с сыном Никитою.

Цыпляев. Я, владычин дворецкий, Неудача Цыпляев с сыном Никитою Неудачиным Цыпляевым от новгородских духовных да от архиепископа Пимена имею наказ на вольность.

Данилов. Ой ли! Владыка сам не пришел на вече.

³ *Щелкан* – татарский посол Чол-хан, двоюродный брат хана Узбека, который в 1327 г. творил произвол в Твери.

Цыпляев. Владыка занемог.

Дьяк Долматов (*звонит в колокол*). Жителя, не доводите до кровопролития! Царь идет с великим войском. Как донесли царю, будто хотим отложиться Литве, то прииде с великой яростью в Великий Новгород...

Цыпляев. Про Литву неразумные кричат. Мы вольности хотим от всех. От королей и от князей московских.

Тулупов. Заодно стоять будем, не возьмет нас князь московский. Новгородская кованая рать⁴ по числу вдвое более опричников.

Дьяк Долматов. Опомнитесь! У царя тридцать тысяч татар и десять тысяч стрельцов!

Данилов. То вымысел. Правда, что московский князь не одних православных христиан, а и иных бьет: татар, немцев да литвинов. Про то хай Мишки скажут, беглые пушкари.

Мишка. Я, Максим Литвин, по-русски Мишка, сидел в Торжке в башнях с немцами и татарами. Царь Иван явился прежде к немцам, приказал убивать их перед своими глазами и наслаждался до ночи их муками. А ночью я с иным Мишкой побежали да добрались в Новгород в великом страхе.

Первый из толпы. И мы тут в Новгороде в великом страхе. (*Шум.*) Слышите, что-то случилось.

Вбегает испуганный посадский, звонит в колокол

Посадский. Жителя Великого Новгорода! Государь Иван Васильевич с передовым полком уж явился и сюда идет. (*Слышно конское ржание и топот конский.*)

Входит царь Иван, царевич Иван Иванович, духовник Евстафий, шут, Малюта, Василий Грязной и опричники

Иван. Ко времени поспел. (*Поднимается в тишине на вечернюю башню.*) И мне ведь дозволено вольное слово сказать. (*Звонит в колокол.*) Так ли, посадник боярин Данилов? Чего затихли? Страх имеете?

Данилов. Государь, чуяли, что в ярости ты идешь, оттого и страх.

Иван. Однак, горланили. Горланьте и далее.

Первый из толпы (*испуганно*). Великий князь московский!

Малюта (*перебивает*). Не великий князь московский, а царь великий, князь Всея Руси.

Иван. Говорите. (*Толпа молчит.*)

Царевич Иван Иванович. Отчего ж ужас такой, батюшка? Пришел православный царь в свою вотчину и оттого ужас?

Иван. Сейчас поймешь, мальчик, отчего ужас. Кто все слышал да правду государю сказать хочет?

Петр Волынец. Я, государь, затаившись, все слышал. О чем тебе в грамоте писал, тут в вече слышать удалось. Скажу о новгородцах. Яко взбесившиеся, самый бесчеловечный разум имеют. Наняли злых тех смердов, убийц, шильников⁵ и прочих безыменных мужиков, подобно скотам не имеющих разума, но только могущих кричать. Называли государем Великий Новгород. А нанятые мужики, прийдя в вече, били в колокол и кричали, и лаяли как псы: «За короля хотим!»

⁴ *Кованая рать* – упоминается в псковской летописи XV–XVI вв. Судя по иностранным известиям, это были лучшие конные полки московского войска, составлявшиеся из воинов Новгородской и Псковской областей.

⁵ *Шильник* – мелочный плут, надувала; *сиб.* мелочный торговец; *стар.* продажный негодяй.

Иван. Вот, мальчик, отчего ужас. Как узнали изменники законного государя с наследником и прочими царскими людьми.

Шут. Меня, государь, особо испужались. Помыслили: «Смерть наша приде от государева плеча и от его меча». *(Вытаскивает из ножен обломок меча. Смеется.)*

Иван *(сердито)*. Помолчи, шут, не до тебя. *(Толкает шута.)* Что сам скажешь, посадник боярин Данилов?

Данилов *(испуганно)*. Государь, оклеветали злые люди Новгород Великий.

Иван. Оклеветали? Дай-ка, Малюта, грамоту. *(Берет грамоту.)* То ваши подписи?

Данилов *(берет грамоту)*. Государь, от подписи рук наших отпереться не можем. Но что мы к королю польскому податься хотели, того никогда не было.

Иван. Новгород – отчина наша издавна. Так ли? Скажите. *(Молчание.)*

Плотник. Ежели большие люди молчат, то мы, меньшие люди, скажем. Издавна Новгород – город весь вольный. *(Крики: «Велик Новгород, волен город!»)*

Иван *(гневно)*. Кто-то лает.

Дьяк Долматов. Не бери в укор, государь милостивый, то меньшие люди кричат с загородного, гончарного да плотницкого конца.

Иван. Ты кто, смерд?

Плотник. Имею плотницкое ремесло.

Дьяк Долматов. Мы, государь, тут в Новгороде сами их презираем, плотников.

Плотник. Ты ябеда площадная, дьяк Долматов, подслуживаешься, а нам ни к чему... Мы, плотники, Новгород Великий издавна возводили. Новгород – деревян-город. Лес кругом. Плотницкое ремесло в цене. Наш-то город Новгород.

Иван *(гневно)*. Что ты возносишься, смерд, передо мной, Божьим помазником. Я державу строю, ты ж деревянную избу срубную.

Шут. А вы, плотницы сущи. А приставим вас хором срубить наших... *(Смеется.)*

Плотник. Не одни лишь избы и церкви святые делали. Спас-на-Нередице, Успение-на-Волотве, Спас-на-Хвалеве, Михаил-на-Сковороде, Благовещение-на-Городище. Все плотницкая работа. В X веке от Рождества Христова тут первую на Руси церковь поставили. Дубовую церковь Софии о тринадцати верхах с ее соборами. А Москвы тогда и в помине не было!

Иван *(гневно)*. Ты, посадник боярин Данилов, подучил тех смердов своих брехать?

Данилов. Государь, знаешь ли, правду плотник говорит: уж в XII веке Новгород большой город был по обе стороны Волховы. То в грамотах и летописях наших писано. Вольный город отчина наша. А княжа суздальские и ярославские в Детинце сидели и исполняли волю вечную сиречь вечно, будучи лишь воеводами.

Иван *(гневно)*. В грамотах ваших новгородских набросано много психифантий, сиречь ложных измышлений. А ни одно не может меня зацепить да суздальскую династию нашу Калиты!

Царевич Иван. Батюшка, новгородцы оскорбили твое достоинство, а также всего нашего суздальского корня!

Иван. Волны бьют о камни и ничего камням не сделают. Сами рассыпаются пеной и исчезают как бы на посмеяние. Так будет и с этими людьми новгородскими. Новгород – град деревян! Москва – город каменный!

Духовник Евстафий. Государь великий, все новгородские еретики жидовствующие да стригольники, сиречь несогласные. Ежели царь и великий князь не казнит этих людей, то как же нам свести срам со своей земли?

Малюта *(негромко)*. Государь, тут посад буйствует аки при шведском короле Эрике, который с дворянством заодно против законной власти был и короля сверг.

Царевич Иван. Тот посад на пики взять, батюшка!

Василий Грязной. Позволь почать, государь!

Иван. Все ко времени, милые мои! Посадник, позволь мне, как предкам моим Ярославичам дозволяли, на новгородском вече речь сказать. Дозволяешь?

Царевич Иван. Батюшка, как же просишь у них, подвластных?

Иван. То, мальчик, будет речь московско-суздальского воеводы Парфения Уродивого. *(Смеется.)* Дозволяешь, посадник Данилов?

Данилов *(растерянно)*. Говори, государь.

Иван *(звонит в колокол)*. Новгородцы! По пословице: «Один строит, другой разоряет», приехал я, воевода, в отчину мою. Хочу каменный город делать. Чтоб стоял крепко против внешнего врага: Литвы с поляками, немцев да прочих. Деревянные стены по земляному валу хоть и ограждены рвом от врага – не спасут. Так же и улицы города беспорядочны, все к Детинцу и замощены криво, сиречь грубо.

Плотник. Мы камня не хотим. Дерево здоровей, сырости меньше. А замощены те улицы добро деревянными плахами поперек дороги на продольных подстилающих лыжнях.

Грязной. Устыдись, пес, против государя говорить!

Плотник. Здесь вече, каждый свое слово речет.

Иван. Посадник боярин Данилов, у тебя в Новгороде царят всевозможные непорядки! Самый большой – непослушание и буйство меньших людей. Бояре в Новгороде меньшими людьми наряжаться не могут, а меньшие их не слушают. А люди-сквернословы плохи и пьют много и лихо. Только их Бог блюдет за их глупость. Поэтому я, помазник Божий, приехал сюда блюсти, поскольку вы, бояре, не можете то. *(Звонит в колокол, с пафосом.)* Отчина моя, Великий Новгород, люди новгородские, исправьтесь! Не вступайтесь в мои земли и воды. Держите имя мое честно и грозно. Посылайте ко мне бить челом, а я буду жаловати свою отчину по старинке. Не отступайся, моя отчина, от православия, изгоните, новгородцы, из сердца лихую мысль, не приставайте к латинству и бейте мне челом. Я вас буду жаловати по старине.

Данилов. Господин великий князь Иван Васильич Всея Руси! Помилуй, Господа ради, виновных перед тобой людей Великого Новгорода, своей отчины! Покажи, господин, свое жалование! Уйми огонь и меч! Не нарушай старины землице сей! Дай видеть свет безответным своим! Помилуй, смилуйся, как Бог тебе на сердце положит! *(Кланяется царю.)*

Иван. Где владыка новгородский архиепископ Пимен?

Данилов. Занемог владыка.

Иван. Занемог? А я уж повелел уготовить кадило и фимиам вложить, и целовати руку, а тут и всем мир и прощение дать, и перекреститься трижды, обвив четки около руки своей... *(Внезапно толкает посадника ногой, тот падает. Кричит.)* Вы лжецы! Изменники новгородские. Знаю и весь ваш заговор новгородский. Волынец, кто главный заговорщик?

Волынец. Главный заговорщик – вон посадник боярин Василий Дмитриевич Данилов да два немчина: Максим Литвин и Роп – немчины, пушкари беглые, Мишки. Слуги посадника, – он их в Литву с секретом послал с изменной грамотой. Также гости – гости торговые Федор и Алексей Дмитриевичи Сырковы, да прочие. Вот список. *(Подает список.)*

Иван. Малюта, возьми список для сыского дела. *(Звонит в колокол.)* Починаем новгородское изменное дело!

Грязной. Государь великий, по твоему царскому повелению опричные дети боярские тотчас окружили город, чтоб никто не мог убежать из него. Схватили духовных из новгородских и окрестных монастырей и церквей. Пятьсот старцев. Так же и с белым духовенством.

Иван *(гневно)*. Заковать в железо и в Городище поставить на правеж. Всякий день бить их на правеже, требуя по двадцать новгородских рублей с каждого на выкуп. Та же участь для торговых людей. Дворянам и детям боярским опричным созвать в Детинце знатнейших жителей и торговцев, а также приказных людей. Заковать и отдать приставам под стражу, и

дома их и имущество опечатать. Имущество отдать в государеву казну. (*Звонит в колокол.*) Сей вечевой колокол – знак вашей городской свободы. Так ли?

Дьяк Долматов. Так, государь. Однако волен ты, государь, над нами и над нашим колоколом.

Иван. Езжай, дьяк Долматов, в Псков. Вели, чтоб псковичи мне свои колокола сюда в Новгород отправили.

Дьяк Долматов. Исполню, государь милостивый.

Шут (*звонит в колокол*). Народ новгородский, слава Тебе Господи, было да сплыло. Не о чем думати. Не спи, не стони, да оборону от клопов держи. (*Смеется.*)

Иван (*тоже смеется с опричниками*). Речь моего шута – то последняя новгородская вечевая речь. Дед мой великий князь Иван Третий, тот канбан, сиречь колокол, снял. Они, изменники, вновь приладили. Более не будет. Вечьему колоколу в отчине нашей Новгороде не быти! Посаднику не быти! А государство все нам держати.

Опричники срывают колокол, набрасываются на посадника и иных новгородцев

Занавес

Сцена 3

Новгород. Городище. Толпа игуменов, попов и монахов в оковах окружена опричниками. Холодно. Падают снег. Входит царь Иван, царевич Иван Иванович, духовник Евстафий

Иван. Грязной, что делается?

Грязной. Государь великий, правож делаем по твоему царскому повелению игуменам, попам и монахам новгородским.

Духовник Евстафий. Неразумные! Многие бесы в себе принесшие! Ежели не перестанете, от такого начинания погубите и тела и души свои.

Иван. Духовные новгородские! Христос бо мне, царю, повелел, помазнику Божьему, соблюдать Русскую землю от бесов и злых человеков. Со скорбью взираю на вас, обликом духовных, а нутром бесовских! Каетесь ли?

Монах. Государь милостивый, Божий гнев Русскую землю постиг за грехи наши!

Царевич Иван Иванович. Они, подстрекаемые бесом, вопили: «Господин Великий Новгород!» Желали Новгород над Москвой поставить и бесстыдное дело сотворити, ибо Москва место Божие. Бог подал помощь в том месте граду быти – центру русскому.

Царь Иван. Истину говоришь, мальчик! Предок наш, великий князь суздальский Долгорукий, воздел руки к небу, вздохнувши из глубины сердца, со слезами рече: «Боже Вседержитель! Творец всему и Создатель! Прослави, Господь, место сие и устрой город на месте сием! И вознагради святые церкви!» Так повелел и град основал около тех красных сел на Москве-реке. Сей же град на Волхове – вотчина наша. А церкви здешние – митрополия наша. По Божьему благословию приде из Киева-града к Москве Преосвященной Петр митрополит и благословил князя, и нарече его великим князем московским и Всея Руси. И пророчествовал Петр митрополит о сем граде Москве. Якобы по Божьему повелению будет град

сей царствующий, вельми распространится, и устроится в нем дом всемогущий и живона-
чальная Святая Троица, и Пречистая Мать и Пресвятая Богородица, и церковей Божьих во
множестве, и монастырей святых бесчисленно много множеств. Милые мои, люблю Русь
Святую и особо же за церкви и монастыри! И тут, в вотчине моей, Новгороде, всякий раз
бываю, в первочеред по церквам и монастырям езжу. *(К одному из духовных.)* Ты, чернец,
какого монастыря?

Духовный. Нередицкого монастыря, государь милостивый.

Иван. Стенопись там хороша. Роспись алтаря в церкви Спаса-на-Нередице. Помнишь
ли, мальчик, Нередицкого Деисуса?

Царевич Иван. Там, батюшка, в Деисусе, вместо Богоматери, святая Марфа. Деисус
делается Иоанном Предтечей и Богоматерью, а в Нередице Иоанн Предтеча да Марфа. Нет
ли в том подвоха новгородского?

Иван. Истинно подвох, мальчик. Так заказчица Марфа посадница велела. То против
канона, однако роспись хороша. Духовные, выкликайте, кто откуда?

Второй духовный. Церковь Благовещения, государь.

Иван. Особо хороша там икона за иконостасом: три пророка в пещере огненной.

Третий духовный. Спас-на-Ковалеве.

Иван. Роспись там сделана Феофаном Греком.

Четвертый духовный. Спас-на-Ильинке.

Иван. Купольная роспись там потягаться может с купольной росписью Софии.

Пятый духовный. Богородица-на-Михальце.

Шестой духовный. Фрола и Лавра на Людгощей улице.

Седьмой духовный. Церковь Рождения Христова на кладбище.

Иван. Грубая церковь. Стены ее излишне толсты, по чертежу неверному линии кривые.
Столбы церкви округлы, аки церковь Спасения на Волковом поле. Отец Евстафий, надо бы
с митрополитом Кириллом поговорить, чтобы те церкви снести и заново сделать.

Евстафий. Исполню, государь.

Иван. Особо роспись мне не по душе. Се фрески Рождества излишне земны и грубы, не
то что роспись Спаса-на-Ильинке Феофана Грека. На соборе про росписи мыслить надобно,
а не так – каждый как хочет. Да про перестройки ветхих и негодных церковей. В Москве
кости мертвых при перестройке церкви свезены в Драгомилово. На месте церковной ограды,
служившей для погребения, сад. *(Сердито.)* То беда земская и нечестие государское: кости
мертвых вынесены, а тела остались на прежнем месте, рассыпавшись в прах. И на них сад
посажен. А Моисей во Второзаконии не велел садить садов и деревьев подле требника Гос-
пода Бога! Гробокопателям каковы казни написаны? А ведь это оттого, что будет Воскресе-
ние мертвых! Не велено мертвых с места двигать, опричь великих Святых, коих Бог чуде-
сами прославил. Где столько лет стояли Божьи церкви, где стоял престол и жертвенник, – эти
места не огорожены, собаки ходят по ним и всякий скот! Обсудить то все с митрополитом.

Евстафий. Обсудим, государь.

Иван. Называйте далее, духовные, с какой церкви.

Восьмой духовный. Церковь Воскресения на Мячине.

Иван. Про сию церковь особый разговор. Церковь Уверения Фомы на озере Мячине
– предтеча Спаса-на-Нередице. Она мне по душе. А Воскресения на Мячине делалась по
особому замыслу новгородской вольницы. И в росписях повесть о былой победе новгород-
цев над суздальцами. Они о прошлом своем пишут несправедливо. *(Гневно.)* Церковь также
снести! Отныне строить будут лишь по московскому образцу, московскому облику церкви
Никиты на Московской улице – церковь шестистенную. *(Нервно ходит.)* Нет более новго-
родских церковей! Есть общерусские! Так и новгородские Грановитые палаты сделаны про-
тив Москвы. Тако же обстройка владычина Двора и новгородского Детинца. Посадник на

берегу ручья церковь Федора Стратилата поставил. Федоровская церковь с большими палатами на каменных сводах.

Царевич Иван. Они, батюшка, храмы да иные дома на латинский манер делают, желают к латинам податься.

Иван. Истинно, мальчик. Новгородские палаты немцы делали, немцы из Заморья да новгородские мастера. Палаты каменные, при новгородской самостоятельности там заседал Боярский совет со своим Владыкой. Нашу Московскую грановитую палату фрязин строил. В ней дух светлый, тут дух темный, готический. Тут дух еретичный. Знаю, есть среди новгородских попов и монахов мудрствующие по-жидовски, отвергающие Святую Троицу и Божественного Иисуса Христа. Тот дух, а также измену истребим. *(Гневно, дико кричит.)* Тот пес еретичный изменой, тою дорогою поганою дойдет до меня, а далее не пойдет! И умре на поле будет!

Грязной. Что велишь, государь великий?

Иван. Указываю. Игуменов, попов, чернецов и дьяконов, и старцев, которые тут собрались из разных монастырей и поставлены на правеж, избить палицами. Когда будут перебиты, я, государь, повелю каждого из них в свой монастырь развезти и погresti.

Грязной. Что велишь, государь великий! Повелением царя перебити дубинами до смерти всех игуменов и монахов, стоящих на правеже, и развезти тела их на погребение, каждого в свой монастырь.

Опричники. Любо, любо! *(Начинают избивать дубинами духовных. Крики и плач.)*

Иван *(дико вопит)*. Бей их! Сих злых блудников и наложников плотских скверн, канальных! Похотных! Угодных для дел бесовских, связанных сатанинским законом! *(Дико хохочет.)*

Царевич Иван. Батюшка, и я их, злыязычников, побью. *(Хватает дубину и тоже бьет.)*

Иван. С той поры, как предки мои Ярославичи потеряли в Новгороде власть на Детинце, то они, князя, потеряли и свой храм. София перестала быть княжеской, перешла в руки посадника и новгородского архиерея. Так уж боле не надобно попускать! Дай знать архиепископу Пимену, что приедем в воскресенье к Святой Софии к обедне. *(Слышен звон колокола.)* И мне пора к обедне становиться. Поеду в Хутинский монастырь в каменную церкву жен мироносиц, а вечерню в Преображенском соборе слушать буду. Люблю Преображенский собор Хутинского монастыря! Отцом моим, великим князем Василием Ивановичем построен по образцу московского Успенского собора. Царевич Иван Иванович, едешь ли со мной к обедне?

Царевич Иван. Я, батюшка, еще побью сиих малодобрых. *(Бьет.)*

Иван. Хваля тебя, реку, княже, сын мой, иди вслед меня по выведению измены. Бог тебе в помощь! *(Крестится и уходит в сопровождении духовника Евстафия. Избиение продолжается.)*

Занавес

Сцена 4

Новгород. Волховский мост. Звон колоколов. Множество празднично одетого народа

Первый из народа (*умиленно*). Владыка архиепископ в белом куколе, в мантии с посохом выходит из ворот и ступает на Великий мост.

Второй из народа (*умиленно*). По давнему обычаю архиепископ Пимен со своим собором, с крестами и иконами стал у часовни Чудовского креста встречать государя.

Третий из народа. Царь идет вместе с сыном царевичем Иваном, да множество воинских людей с ним.

Первый из народа. По обычаю на встречу вышел на Волховский мост архиепископ Пимен, чтоб благословить царя.

Пимен с поднятым крестом идет к царю. Царь останавливается

Первый из народа (*испуганно*). Царь не подошел к кресту!

Иван (*гневно Пимену*). Ты, злочестивый, в руке своей держишь не крест животворящий, но вместо креста оружие, и сим оружием хочешь уязвить царское сердце наше!

Второй из народа (*испуганно*). Что царь сказал?

Первый из народа. Владыка хотел было благословить царя, однако тот обратился к владыке с такими словами: «Ты, злочестивец, в руке держишь не крест животворящий, а вместо креста оружие». Сказал так.

Третий из народа. Тихо, царь говорит.

Иван. Ты со своими злыми злоумышленниками пришел сюда лживо! Злоумышлением со своими злотворцами и единомышленниками града сего жителями пришел. И хотите царския нашей державы вотчину нашу, сей великий богоспасаемый Новгород предати супостатам нашим, иноплеменникам, королю литовскому Жигмонту Августу.

Первый из народа (*испуганно*). Царь яростно на нас, жителей, говорит. Отдать, говорит, хотите Великий Новгород польскому королю Жигмонту Августу!

Иван (*яростно*). И отсель впредь ты, Пимен, наречешься не пастырь и учитель и сопредостольник великой соборной апостольской церкви и премудрости Божьей Софии, но волк, и хищник, и губитель, и изменник, и царскому нашему венцу досадитель.

Второй из народа (*испуганно*). Царь владыке Пимену сказал: «Ты уж не называешься пастырем и сопредостольником Святой Софии, а называешься ты волк, хищник, губитель».

Третий из народа. Господи милостивый, уйми ярость царскую на наш Новгород Великий! (*Крестится.*)

Иван. И видя многие бесы, пришедшие на меня с оружием, хотят что меня убить, реку: аще не перестанете от такого начинания, погубите сами же себя! Я же аки человек благочестивый не пожелаю пропустить службу, хочу помолиться Богу и Пречистой Богородице, и святому Николаю Чудотворцу. Повелеваю: служи, архиепископ, литургию в соборе, а потом

со всеми полчанами⁶ отправимся в столовую палату к тебе, архиепископу, хлеба ясти. (*Проходит мимо Пимена. Вслед за ним царевич Иван, духовник Евстафий, Грязной и опричники.*)

Первый из народа (*растерянно*). Не подходя к кресту, царь велел архиепископу слушать обедню.

Занавес

Сцена 5

Столовая палата новгородского архиепископа. Столы уставлены едой и питьем. Входят царь, царевич, духовник, шут, Грязной и опричники

Иван. Отслушав обедню, со своими людьми пришел я сюда на пир. Добро ли еда и питье?

Пимен (*кланяясь*). Приготовлен добрый обед для тебя, высокого гостя.

Шут. Страсть, государь, есть хочу! Студню хочу да похлебки. (*Хватает ложку и начинает есть и тут же, поперхнувшись, кашляет, плюется и сморкается.*)

Иван (*толкает шута*). Пошел прочь! Как поставлены еда и питье, тут не кашляют и не сморкаются.

Шут. Ну-с прокашлялся, государь, и просморкался.

Иван. Умолкни, шут, дай за стол усесться. (*Садится за стол.*)

Пимен. Многолетия, здравия царю и государю моему, батюшке Ивану Васильевичу Всея Руси! Аминь!

Церковный хор поет: «Многолетнее здравие государю!»

Иван (*тихо*). Малюта да Грязной, помните ли ясак, сиречь условный знак?

Малюта (*тихо*). Помним, государь. Завопишь.

Пимен. Государь Великий Иван Васильевич Всея Руси! Добре помню я слово Святого Писания: «Яко покорно слово сокрушает кости, и смиренные сердца сокрушенные Бог не унижит». В древния лета изволением земного царя Константина от царствующего града царский венец был дан русскому царю московскому. Однако белый сей клубок мной носимый изволением небесного царя Христа дан архиепископу Великому Новгороду. Ибо ветхий Рим отпал от веры Христовой по гордости и своеволию. В Константинограде притеснением агарянским христианская вера гибнет. И лишь в Третьем Риме иже есть на Русской земле воссияет Благодать Святаго Духа.

Шут (*ест*). Государь, отведай и ты сих поминальных пирогов.

Иван (*сдерживая ярость*). Истинно поминальные! (*Ест и вдруг дико вопит.*)

Малюта. Опричники! Окончен пир! Царь Иван Васильевич возопил гласом великим с яростью к нам, своим людям, подавая этим знак.

Иван. Окончил ты, митрополит, свою поминальную речь. Лжешь, не Новгород – Третий Рим, Москва – Третий Рим! Москве небесным царем Христом белый клубок завещан! Утвердился белый клубок на главах святых московских митрополитов, начиная со святого Петра, не на главах архиепископов новгородских! Малюта, сиречь Григорий Лукьянович

⁶ *Полчане* – воины из Государева полка, личной охраны царя и царевича.

Скуратов да ты, Василий Григорьевич Грязной! Повелеваю схватить главу новгородского заговора архиепископа Пимена!

Малюта. Сделаем, государь! *(Хватает Пимена.)*

Царевич Иван. Они, батюшка, желали вознестись над Москвой, выявили пронырство лукавого змия.

Иван. Истинно, мальчик. Вознестись желали силой и богатством. Доход московского митрополита три тысячи рублей, а доход новгородского епископа в десять – двенадцать тысяч. Да церковные деньги в рост дают. Давал деньги в рост?

Пимен *(тихо).* Я деньги давал в рост, чтоб священников кормить.

Иван. А монету свою велел чеканить? Пиши, Малюта, в сыском деле: «Обвинен Пимен за чеканку монет».

Малюта. Так запишу, государь великий.

Иван. Пиши: «За измену, чеканку монеты своей новгородской и отсылку ее вместе с иными сокровищами королям шведскому и польскому. Оттого тотчас же владычин двор со всем, что в нем есть, предать расхищению, сиречь взятию, ибо то наше русское богатство. Самого Пимена отдать приставам, стеречь, и на прокорм выдавать ежедневно из казны по две деньги».

Пимен *(кланяется).* Благодарю, государь, за щедрость и великодушие.

Иван. Опричникам взять владычину казну. Тебе, дворецкий Василий Григорьевич Грязной, да тебе, духовник Евстафий, с царскими моими боярами овладеть ризницей церкви Святой Софии, а отсюда отправиться по всем монастырям и церквам забирать в пользу мою, царя, несправедливо нажитое богатство – церковную казну и утварь. Тебе, Евстафий, принять казну.

Евстафий. Как быть с древними Корсунскими воротами?

Иван *(гневно).* Выломать из алтаря.

Духовник Евстафий. Совершим сие, государь. После же того совершим молебн со звоном против демонских сил.

Опричники с шумом и криками бросаются грабить

Шут. Государь, я сейчас скоморохов кликну, чтоб архиепископ с ними поплясал-поиграл. *(Смеется.)*

Вбегают скоморохи

Скоморох. А мы уж здесь! *(Пляшет и поет.)* Умная головушка, Иван сударь Васильевич, умнее его на роду нет. Бражки не пьет, винца в рот не берет, речь у него соколиная, следы его лебединые, без него и меда не пьется, и сахара не кушается.

Иван. Играй да пляши, Пимен, со скоморохами! Дайте ему лютню! *(Скоморохи дают лютню.)* А ты, шут, дурацку булаву. *(Шут дает дурацкую булаву.)* Тебе, Пимен, пляшучи медведей водить, а не сидеть владыкою.

Скоморох *(Пимену).* Играй с нами, седой белоголовый! *(Поет и пляшет.)* Что во сахаре головушка лежала, против солнышка головушка сушилась. Как белый сыр на окошке, как крупчатый калач на теремке. *(Шлепает Пимена по голове.)*

Иван. Не пригодится тебе, Пимен, архиепископом быти, одно трубником и с куклами играти. Тебе там пригоже быти. И с медведями по танцам ходити. *(Смеется. Опричники смеются.)* А лучше тебе жену пояти, которую я тебе выбрал. Эй, жену архиепископу давайте.

(Опричники вводят Анницу.) Вот новгородская гулящая женка тебе в жены. *(Смеется. Тискает Анницу. Она пьяно визжит.)* Пойдешь ли за Пимена в жены?

Анница. Как повелишь, государь.

Иван *(смеется)*. Полюби его!

Анница. Повелишь то, полюблю. Да допущу в то самое место. *(Хохочет.)*

Иван. Вот тебе, Пимен, жена! Молода забава, дочь путятишна. *(Хохочет.)* Лебедь белая! Ради твоих любовных утех... Хороша ростом и тельна, не больна невеста и не суха. *(Тискает Анницу.)* У тебя изредка ее займу. Тебе, старику, одному не управиться. *(Хохочет. Опричники смеются.)* Анница, облапь его, жениха своего!

Анница *(Пимену)*. Поди ко мне. Я тебе хотю, и ты меня хочешь. *(Хохочет, хватает Пимена.)*

Иван *(скоморохам)*. Глумцы, органники, смехотворцы, гусельники, свадебную давай!

Скоморохи *(танцуют и поют)*. Растворяйте ворота, растворяйте шире рты, вы еще того пошире, вы сойдитесь поближе, поцелуйтесь помилей, вы еще того милей.

Иван. А игумену и прочим, которые с ним, я говорю: вас всех на ту свадьбу вашего архиепископа хочу позвати. Тако на ту свадьбу соизволяется всем вместе. Что нам надобно, то нам надобно. Начать с духовенства правез денег на свадьбу. *(Опричники хватают духовных.)* И страшными муками у них выпрашивать. *(Кричит.)* Страшными муками!

Пимен *(которого Анница с хохотом теребит за бороду и за волосы)*. Предан я поруганию за грехи свои, особо же, что прислуживал и гнал вкупе с иными святителя Филиппа митрополита.

Шут. Государь, разрешение на брак, вечную память архиерей дает, а ему, архиерею, я, шут, архиереем буду. Не дам вечную память.

Иван. А чего не дашь, шут?

Шут. Обручив невесту, поимел другую, белу кобылу. *(Общий хохот.)* Венчать ли его, не венчать, понеже яко прелюбодей есть.

Иван. Анница, поди ко мне. *(Анница подходит. Царь обнимает ее.)* Эта тебе не по духу. Привести белу кобылу. Сядь же на нее и поедь к Москве. И там приехав, в трубники, в гусельники и в медведники, которые плясуны медведя водят ватагу, в той же список запишешься. Васютка Грязной, привести кобылу!

Грязной. Сделаем, государь! *(Уходит.)*

Иван. Как на коня сядет в худом платье, ноги ему под чрево подвязати, подать лиру, свирель, трубу, домру, что выберет. Я добрый. *(Смеется.)* Вот твоего ремесла приправы! Пригоже тебе в домру играти, нежели на месте архиепископа быти. И ты ныне на тех приправах играй, учи, и к товарищам своим домерникам в Москву поедь.

Шут *(поет)*. На Новый год осиновый гроб, кол да могила, ободрана кобыла.

Иван *(Пимену)*. Играй!

Пимен *(плачет)*. Достоинства своего ограблен и несказанною срамотою обесчещен.

Малюта *(хватает Пимена за бороду и трясет его)*. Играй, изменник, поскольку царь велит!

Пимен. Хотя не умею играти, а чему я, бедный, отродясь не учивал, а велено, то сыграю. *(Дудит в поданную ему скоморохом свирель. Иван и опричники смеются.)*

Иван. То ты верно, на свирели не можешь.

Грязной *(подходит)*. Кобыла приведена, государь.

Иван. Архиепископа после ареста посадить на белу кобылу, дать ему в одну руку русскую лютню, а в другую дурацкую булаву.

Грязной. Сделаем, государь!

Иван. И он через весь посад на кобыле сидя подвязанный пусть едет.

Грязной. Сделаем! *(Пимена уводят.)*

Иван (*Аннице*). Жених тебе неприязнь оказал, не принял, то ко мне приходи. (*Тискает ее. Она визжит и хохочет.*)

Анница. Не чиста я теперь, государь, регулы у меня, я и в церковь не хожу, и скоромного не ем, пока не очищусь. И на исповедь не хожу к духовнику.

Иван. На исповедь к духовнику ходить можно. Так ли, отец Евстафий?

Евстафий. Можно, государь. Только запрет греховной женской природе ходить в алтарь, чтоб не осквернять.

Иван. Пимена водить повсеместно, окруженного скоморохами, играющими на своих инструментах. После Москвы отправить в Венев монастырь в заточение. Пусть живет там под вечным страхом смерти. Так очистим Русскую землю от измены.

Царевич Иван. Батюшка, изменный народ надобно на копы сажать!

Иван. Правду говоришь, мальчик. Однако прежде прочего крепкою верою против измены стояти. Вон фряги какую крепость держат на своей вере. Сказывал мне цесарский посол испанского короля, как он свою землю очистил...

Скоморох (*поет*). Умная головушка Иван сударь Васильич. Он и раньше воевал городами, а сейчас он воюет головами.

Скоморох играет и поет

Иван. Истинно, отец мой духовный Евстафий... Головами, батюшка, играемся...

Малюта. Государь милостивый, где сыскное дело, сиречь правез, продолжим?

Иван. Покончив с духовными, удалюсь в городище. Приказываю привести ко мне в городище тех новгородцев, которые до моего прибытия взяты под стражу. (*Уходит.*)

Занавес

Сцена 6

Городище. Пыточный двор. За столом царь Иван, царевич Иван Иванович. Горит костер. Слышны крики и стоны. Посадник Василий Дмитриевич Данилов и еще несколько человек висят на дыбе

Малюта. Государь великий, по твоему велению привлечены к дознанию на городище архиепископские бояре и многие из новгородских людей, служилые детей боярских. Все то владычные бояре новгородские, дети боярские, выборные городские и приказные люди и знатнейшие торговцы.

Иван. Кто главные заговорщики новгородские, дознались ли?

Грязной. Главные заговорщики: посадник боярин Василий Дмитриевич Данилов, тысячник шелонской пятины Андрей Васильевич Тулубов с семьей, владычин дворецкий Неудача Цыпляев с другими родичами, торговые гости Федор и Алексей Дмитриевич Сырковы: хотели Великий Новгород передати иноплеменникам, королю польскому.

Малюта. Также в сыском деле Василья Димитрова Данилова узнать тебе надобно, милостивый государь, о пушкарях о беглых, о Мишках. Два немчина литвина, те слуги Даниловы, бежали на родину, но были пойманы и под пытками сказали: «Бежали мы с ведома хозяина». Так ли? (*Бьет висящих на дыбе пушкарей.*)

Пушкарь (*сквозь стоны*). Так...

Второй пушкарь. С ведома...

Иван. Повинился ли Данилов в измене в пользу польского короля?

Малюта. Вздернутый на дыбу, повинился. Так ли, Данилов?

Данилов (*со стоном*). Винюсь: измена в пользу польского короля...

Иван. Змей! И перед лицом нелицемерного судьи Христа милость себе сотворишь ли?

Царевич Иван (*злобно*). Пытать его, чтоб издох! Батюшка, Божьей помощью убиен да будет лукавый сей змий да прочие известные люди.

Иван. Как против иных известных сыск ведется?

Грязной. У людей известных опечатаны дома и поставлены стрельцы.

Иван. Пытками выбивать, где спрятаны деньги и церковная казна. (*Кричит.*) Разрывать их и терзать муками неисповедимыми, аки в адских котлах, коих они достойны! А чего не жгете мукой огненной, именуемой пожар? Составленной мной самой мудростью огненной?

Грязной. Государь милостивый, мы, опричные судьи, жгем. В Торжке сожжен Невзор Лягин, в Клине каменщик Иона, а намедни особо множество псковичей с женами и детьми, ста и два десятками человек.

Иван. И тут, в Новгороде, жечь. Подвешивать за руки и поджигать у них на челе пламя. То пламя – мечь, часть огня адского, некая собственная мука огненная тут на земле мной придумана.

Опричники зажигают огонь на голове у нескольких узников. Те вопят. Иван дико смеется

Царевич Иван (*тоже смеется*). Так в аду грешники страдают.

Иван. Мальчик, тот адский огонь разгонит бесов аки дым исчезающий. А сделан он мной, как ты ведаешь, по ученой мудрости, именуемой Химос. В сосуд из красной меди наливают уксус да томят сосуд в навозной куче, да добавляют вино горючее, да готовят в пушечных избах пороховой состав. Посадника, церковных да прочих именитых граждан жечь. Пусть знают суд Божий. Сей суд на Городище – главное деяние новгородского похода.

Царевич Иван. Батюшка, грамоты новгородские да прочие бумаги, что ты велел взять, вот они. Я особо важные принес.

Иван. Читай, мальчик.

Царевич Иван (*читает*). Грамота утверждения новгородского посадника и тысяцких, и всех новгородских посадских людей меж себя, что им к московским великим князьям ни о чем бити челом не посылати. А писано в 1569 году от Рождества Христова. А у ней еще сорок шесть печатей свинцовых. А у ней две печати да рука митрополита бывшего Филиппа.

Иван. Неприязливые новгородские прелестники, к измене пришедшие, да бывший митрополит Филипп с ними. Взятые ли давние грамоты от предков? Для нынешнего изменного дела и давние измены предков присовокупить.

Царевич Иван. Взятые, батюшка. В меху холщовом списки сводные прежних великих государей и князей. Грамота великого князя Витовта в Великий Новгород к новгородскому посаднику и к тысяцкому и ко всему новгородскому народу: просит, чтобы присылали к нему людей. Писано июня второго, второй день, а в котором году, того не написано. Грамота ветха и изодрана, печать отпала. Тут же с нее список снятый. Иная грамота докончальная литовского великого князя Свидригайла с новгородским владыкой Ефимием и с посадником.

Писано на харатье⁷, вся потлела и изодралась. Печать у ней на красном воску. Грамота Казимира, короля польского с великим князем Александром Тверским.

Иван. Тверские измены нам ныне не потребны. Все по новгородской измене подбирать дела.

Царевич Иван. Тут, батюшка, в связке среди всякой мелочи и розни ненадобной ветхой написанное нашел про предка нашего великого князя Ивана Калиту.

Иван. Да, то имущество потребно. Читай.

Царевич Иван. Указано, батюшка, в синодальном списке Новгородской первой летописи под 1332 годом от Рождества Христова. Здесь читается: «Иван Калита, приде из Орды и взверже гнев на Новгород, просил у них серебра закамского, и в том взят Торжок и Бежецкий Верх через крестное целование».

Иван (гневно). Они, новгородцы, написали в исступлении ума, идущи по пути измены. Преславного предка моего великого князя московского Ивана Калиту новгородский летописец обвинил в порушении крестного целования, что взял у них Торжок и Бежецкий Верх. То выскоблить «через крестное целование». По выскобленному написать слова: «За новгородскую измену». Самих новгородцев обвинить в измене, выскоблив обвинение против Калиты. После новгородского похода много и в нашем лицевом своде, царственной книге, надобно будет переделать, ибо иные герои, которые вписаны, оказались изменниками. Про то говорить буду с главным дьяком Посольского приказа Иваном Михайловичем Висковатым. И ты, мальчик, с ним переделывать будешь. По новгородскому делу особо.

Царевич Иван. Батюшка, в новгородском синодальном списке первые пятнадцать тетрадей, где новгородские предания, писано о начале Новгорода и Русского государства, что началось оно от Новгорода. Также и ярославские грамоты про новгородскую независимость и вольность.

Иван. Те пятнадцать тетрадей оторвать. Дай-ка. (*Царевич подает список. Царь открывает тетрадь.*) Малюта, спали сии изменные словеса, аще смрадно глаголют с неприязливым духом своим, отчего им смерть должна быть заодно с изменниками.

Малюта (берет тетрадь, бросает в огонь). Государь великий, изменники уж умерли на дыбе от огненной мудрости – посадник Данилов да торговые люди Сырковы, да Мишки-пушкари, да прочие.

Иван. Объяви повсеместно, что посадник новгородский Василий Дмитриевич Данилов казнен за измену во время суда на Городище под Новгородом, а с ним и иные.

Малюта. Государь, полученные на пыточном дворе материалы обличают многих высоких лиц в Москве.

Иван. Кого?

Малюта. Боярина Алексея Басманова с сыном Федором.

Иван. Измена в ближних опричных пределах! Алексей Басманов, супротивник с неких пор, уж не исправим. Он был супротив похода на Новгород, оттого не допущен к походу.

Малюта. Дознался, царь, я также про тайное сношение Афанасия Вяземского с Пименом.

Иван. Лукавый! В Вяземского я прежде верил. (*Гневно.*) Новгородский змий, трепеща и мертв, кропит Русь изменной кровью своей. И в Москве сии струпья и язвы изменные. Уж ближние мои опричники изменили.

Малюта. Милостивый государь, мы те язвы и струпья исцелим.

Грязной. Государь, от многих врачей тебе преданных исцеление будет. Не от единого получишь. От митрополита Кирилла только что пришло сообщение.

⁷ *Харатья* – от хартия, стар. папирус, пергамент, все, на чем встарь писали, и самая рукопись.

Иван. Я уведомил митрополита Кирилла об измене новгородского архиепископа. Что пишет митрополит?

Грязной. Московский митрополит и иные епископы русские публично осудили новгородских изменников. Они отправили сообщение тебе, царю, что приговорили на соборе новгородского архиепископа Пимена, против государства грамоты писавшего, за его бесчестье – священно не действовать более, а сана лишить. *(Подает бумагу.)*

Иван *(берет бумагу, читает)*. То уж переусердствовали. Что православная церковь со мной против измены стоит – радостно. Однако отпиши им: я, царь, предлагаю не лишать Пимена архиепископского сана до подлинного сыску и до соборного уложения. Все надобно делать по закону, чтоб не уподобиться врагам нашим, изменникам. Помни сие, мальчик, когда взойдешь на высокое место, возьмешь одеяние мое и жезл, и меч мой.

Царевич Иван. Батюшка, не поместишь ли меня в Новгороде наместником? Знаешь ведь, у меня особая тяга к Новгороду.

Иван *(недовольно)*. Рано тебе еще, мальчик.

Царевич Иван. Отчего же рано, батюшка? Я уж давно преступил порог совершеннолетия.

Иван *(сердито)*. Рано тебе на царствие на Новгороде Великом. Знаю я через лазутчиков, что худородные дядья твои Романовы, они же прежде Захарьины, они же Яковля подбивают тебя к скорому царствованию вместо меня, отца твоего. Да говорил ты им, что тяготит тебя опека моя.

Царевич Иван. Такого не было, батюшка.

Иван *(сердито)*. Было! Не хочу распри в семье начинать, особо во времена изменные. Набирайся, мальчик, разума многомысленного, мудрого понятия, чтоб достойно сменить меня, когда придет время, и чтоб не смеялись над нами, православными христианами, враги.

Царевич Иван. То делаю, батюшка, с усердием.

Иван. Пишешь ли, мальчик, Житие святого князя Дмитрия Прилуцкого согласно задуманному?

Царевич Иван. Мыслю писати, батюшка. Однако смотрел списки святых, то нового чудотворца ярославского обнаружил.

Иван. Кто такой?

Царевич Иван. Иоанн Агафонович Суший. Не про него ли прежде писать, батюшка? Про него никем не писано.

Иван. Не слыхивал я про такого чудотворца. Покажи, где вычитал.

Царевич Иван. Вот, батюшка. *(Достает бумагу. Читает.)* А после того в том же граде Ярославле явился новый чудотворец Иоанн Агафонович Суший, созиратай Ярославской земли. Чудес сотворил множество, не можно исписати и исчести. Понеже бо во плоти Суший цьяшос. Последнее слово я, батюшка, не пойму.

Иван. Дай-ко. *(Берет бумагу. Читает.)* Последнее слово – цьяшос – писано тайнописью. Мне та тайнопись ведома, именуема простая литорея, а читать, мальчик, суший с малой литеры. Иоанн Агафонович суший созиратай Ярославской земли. Сиречь, тут помысли – разоритель. Цьяшос же тайнописью означает дьявол. Тут в насмешку он назван чудотворцем. Вот, Иван, сын, какого чудотворца ты хотел записать в списки русских святых! В святые ты дьявола записать хотел!

Царевич Иван. Ах, батюшка, досадно же как!

Иван. Пусть сие тебе будет уроком.

Царевич Иван. Оный запомню сей урок твой, батюшка.

Иван. Так по всей Руси нашей демоны нороят надеть святые хари. А по стране видать много множеств. Темные силы демонов видением черны и сини, и изуверы, и страшны, а

скопище их – сей Новгород. На Софийской стороне, на торговой стороне, повсюду измены. Среди духовных, среди торговых, да среди посада. Суд над главными новгородскими заговорщиками в моем царском лагере на Городище окончен. Почитаю – за иных братья. Сколько в твоём, Малютином, списке?

Малюта. Государь великий, двести дворян, триста домочадцев, сорок пять дьяков и приказных, и столько же их родичей. Однако новых еще пишем.

Иван. Дело надобно делать по ряду, сиречь по порядку. Зашибить сначала всех семейных подьячих с женами и детьми, а затем холостых подьячих. Приказных новгородских писать отдельно: новгородские подьячие неженатые.

Малюта. Сделаем, как велишь, государь.

Иван. По окончанию того я, государь, со своими воинскими людьми стану ездить по монастырям. Считаю вину черного духовенства доказанной, решил я посетить главнейшие из монастырей в окрестностях города не ради лишь богомолья, а чтоб присутствовать при изъятии казны.

Малюта. Та казна монастырская заблаговременно нами, опричниками твоими, опечатана. У двадцати семи монастырей казна опечатана.

Иван. Над монастырями второму суду быти. Кожный день я, царь, буду подниматься и переезжать в иной монастырь. А почнем с Антониева.

Грязной. Любо, любо, государь! Уж дадим простор своему озорству. *(Смеется.)*

Иван. И потом третьему суду быти над городским посадом. После суда на Городище и над монастырями нападём на город, особо на торг городской. В Швеции посад Стокгольмский заодно с вельможами короля Эрика сверг. Я же размышляю себе: благодарю и хвалю Бога моего, что я по нему судил. А кабы я не по нему судил, то и меня бы заговорщики новгородские заодно с московскими свергли на погибель.

Малюта. Радуйся, государь, ибо дана тебе от Бога сила убивать свирепого змея, сиречь измену.

Иван. Радуюсь, хваля Бога. Аминь! *(Крестится и уходит в сопровождении царевича.)*

Занавес

Сцена 7

Новгородский Антониев монастырь. Дослушав обедню, царь рассуждает об иконах, а затем приказывает избить настоятеля. Царь объясняет царевичу, как Новгород отпал от единого Русского государства. Опричники громят монастырь

Сцена 8

Новгородский торг. Тесно стоит множество лавок. Толпится продающий и покупающий народ. Слышны крики торговцев

Первый торговец. Белорыбица, бела и красна семга, лещ, шерешпер, голавль, сельдь переяславская, треска, лососина, сиги, осетры, снетки! Рыба свежая, соленая, сушеная, вяленая, вареная! Китовое сало, ворвань, белое сало! За бочку щучины полтина московская!

Второй торговец. Мясо тушами, стягами, полтями! Говядина, свинина, баранина, зайцы, гуси, утки, тетерева, куры! Солено мясо и сало в розницу и бочками!

Третий торговец. Масло коровье ведрами, кринками, пудами, блюдами, ставцами! Масло вологодское, молоко, творог, сыры, яйца куриные, гусиные, утиные, тетеревы!

Четвертый торговец. Меха, горностаи, бобры, лисицы, белки, зайцы, медведи, волки, кошки!

Пятый торговец. Мед натуральный и переработанный, мед простой, патока, сытный, пресный, фруктовый и ягодный! Восковой сырец, воск на свечи!

Шестой торговец. Армяки, колпаки, сарафаны, телогреи, однорядки, рубашки, шелки тафтяные, бархатные, атласные, камчатные, кафтаны сермяжные, терличные, чупрунные⁸, пуговицы, гайтаны, завязки!

Седьмой торговец. Дубленые кожи вологодские по двадцать алтын! Красные, черные, персидские кожи сафьянные! Сыромятные кожи! Мягкие сапоги, поршни, опорки, лапти из лыка или бересты!

Восьмой торговец. Можайские сукна, сермяжные сукна из Ржева, вологодские сукна, троицкие сукна для одежды монахов, сукна для ряс, мантий, шапок, клобуков, поясков, некрашенный деревенский холст.

Девятый торговец. Московские сосуды из обожженной глины, красного, белого, серого, черного лужения посуда! Новгородская посуда черного лужения! Кувшины, сковородки, горшки, миски для еды, миски для варки, плошки для светильников, кубышки глиняные, бутылки, рукомойники, большие лохани, фляги, лампадки, мореная керамика нелощеная!

⁸ *Терличный* – от «терлик», узкий кафтан. *Чупрунный* – от «чупрун», женский кафтан с перехватом.

Десятый торговец. Надгробья Псковско-Печерского монастыря, плиты из светложгущихся глин!

Первый торговец. Гвозди сапожные вологодские, тверские иголки, углецикие свечники, шандалы, топоры вологодские, углецикие топоры, костромские безмены!

Купец Коробов. Песцы белы на мурманском берегу пол-ефимки. Отвези во Французскую землю, заговаривают по тысяче. Бочка семги три-четыре рубли, а во Французскую землю отвези – возьмешь много более.

Второй купец. Во Французскую землю везти надобно тысячу бочек да бочки сала, а песцы и соболи в Перми лучше купите. Жителя Перми и Печеры платят за железный топор столько соболей, сколько купец может продеть в отверстие топора, куда влагают топориче.

Третий купец. Повезешь ли? Знаешь ли, государь князь московский на нас по лжесвидетельству ярость имеет. Так на правез многих поставил именитых и духовных, и посадника боярина Данилова казнил, и архиепископа отца Пимена обвинил в чеканке монет новгородских и сказал, что то – измена, да на белу кобылу с издевкой сажал. Ныне же, по слухам, в окрестностях ездит по монастырям, творя правез.

Купец Коробов. То на Софийской стороне да на Городище. Торговой стороны да посада то не касается. Рынок работает, а и опричники государевы на нем торгуют. Надо ведь и опричникам где-то награбленное продавать. Вон, гляди-ко!

Первый опричник. Кафтан шелков зелен золотом! Кафтан на золотой парче! Охабень шит жемчугом и дорогими камнями!

Второй опричник. Шуба с золотом и шелком на соболях. Ферязи, бархат венецикий. За убрус четыре деньги. Пятьдесят рублей денег за платье и за сажень, и за монисты, за серьги, и за запястик. *(К покупателю.)* Бери! За все пятьдесят рублей.

Покупатель. Двадцать пять рублей дам.

Опричник. Добро. Ты цену рублишь надвое, и я тебя разрублю надвое. Понеже где кто с кем торг имеет, то по половине разделяй. *(Достаёт саблю. Покупатель испуганно убегает.)*

Первый опричник. Так-то, Ермолка, ничего не продашь.

Второй опричник. Прокляты новгородски жидовины! Они по государеву указу не должны перечить нашему войску.

Первый опричник. На торге свои указы. Торгуй полюбовно, а деньги плати.

Второй опричник *(сердито)*. Святой Боже, помилуй мя, как же полюбовно с новгородскими прелестниками-обманщиками? Побить их всех до единого! С утра уж отоштал.

Первый опричник. И я есть хочу. Хлеба бы купить.

Торговка. Хлеб ржаной, простой и сытный! Хлеб мешаный ржаной и овсяный, пшеничный хлеб, калачи, просфиры, оладьи ржаные и перепечи, блинное тесто, лепешки жирны из кислого теста.

Первый опричник. Женка, продай хлеба!

Торговка. Который тебе, молодец? Вот тебе ржаной, вот тебе простой, вот тебе перепечи.

Второй опричник. А пироги у тебя, баба, каковы?

Торговка. Из сдобного теста. Пироги с маком, с медом, кашей, репой, капустой, грибами, пирожки семейные, сочни, с рубцом, булки, сдоба, пряники медовы и фруктовы.

Второй опричник. Добро. *(Хватает товар.)* Бери и ты, Микешка!

Торговка *(вопит)*. Я крестьянка бедная! Государь, пожалей меня, бедну вдову, с сынчонкой и дочеришками! Ребятишков покормить нечем!

Второй опричник. Лжешь, змеина новгородская!

Торговка. Государь, правду говорю! Вели милость-пощаду учинить, умилосердуйся! Государь, дай свет увидеть, заплати!

Первый опричник. Не плачь, жена, я тебе за хлеб простой цену дам. *(Дает ей.)* А ты, Ермолка, не обидь вдову нещасну.

Второй опричник. Э-э, Микешка, да ты, гляжу, уж тоже ожидал, забыл указ государя! Обучение тут, в Новгороде, дьявольское усвоил.

Первый опричник. Усвоил я учение Евангельское сызмальства от сущего попа, Потопия именем, в церкви праведного Лазаря в городе моем. Однако по искушению впал в грех и тот грех замаливаю.

Второй опричник. Э-э, Микешка, гляди, не было б тебе от того замаливания изменного беды. Я от тебя прочь. В корчму медвяную тут на горе. *(Уходит.)*

Первый опричник. Сказано: «Не бойся мудра, бойся глупа!» *(Платит торговке.)*

Торговка *(кланяется опричнику).* Государь, бьет тебе челом с детишками сирота крестьянка Федосица Григорьева.

Опричник. Женка, я сам бобылек. Бобылек, брянского города пушкарский сельчишко Микешка Макаров. А милость совершил я ради Бога. И ты так делай. Вон, нищие калики идут, каличья ватага, подай им.

Калики *(поют).* Изволением Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Вседержителя. От начала века человеческого, а в начале века сего тленного сотворил небо и землю, сотворил Бог Адама и Еву.

Опричник Макаров *(подает нищим деньги).* Куда путь держите, калики?

Нищие. По городам и селам поесть-попити.

Первый нищий. Хлеба искушати.

Торговка. Возьми ради Бога. *(Подает им хлеб. Нищие кланяются и уходят.)*

Купец Коробов. Антошка, зазови калик ко мне, чтоб послушать рассказов о неизвестных чудесах. Я того любитель. *(Нищие подходят.)* Идете ли в святые земли?

Нищий *(кланяется).* Идем в святые земли помолиться, Господнему гробу приложиться.

Купец Коробов. Антошка, досыта накорми их, да допьяна. *(Нищие кланяются.)*

Голоса. Арестантов пленных ведут, латын да татар.

Вводят пленных в цепях, окруженных стрельцами

Татарин. О, русский Бог! Слышал я о Тебе, что милостив Ты и праведен, и на лица человеческие не смотришь, но правду сердца ищешь. Увидь ныне скорбь и беду нашу и помоги мне. Я – мурза татарский Сулем.

Литовец. Бедный и беспомощный литовского города Могилева человек пораненный просит прокормиться.

Первый из народа. Латыне ныне просят, а как мы, сироты, были за Смоленском, то по нам литовские воры из пицалей стреляли.

Литовец. И я ранен под Полоцком. Ныне я человек безружейный, и ежели за милостью к тебе, то от Бога. Я тебя обидеть не хочу, зло против тебя не имею, большое или малое, прошу тебя сотворить милость, покормить меня ныне, пленного просителя. Пусть Бог мой да твой, в которого я верю, убьет меня, ежели лгу. *(Крестится латинским крестом.)*

Второй из народа. Латын свой крест показал. Нет у нас, православных, общего Бога с латынами.

Торговка. Зло не говори. А то прислали к нам пленных из северных городов, и тех псковичи поили и кормили, и плакала, на них смотря. *(Утирает слезы.)* Ведь и наши так же страдают в чужой земле. *(Подает пленным хлеб.)*

Опричник Макаров. Люди православные! Божье смирение и покорение, ибо не только истинным христианам помогает милосердный Бог, но и поганым способствует. Будем и мы милосердны.

Входит английский купец Томас Рандольф с приказчиками

Томас Рандольф. Нами собраны сведения, что русский царь пришел в город, и мы в большой заботе, ибо слышал, пришел он ради казней по письму, которое им получено.

Купец Коробов. Я аки сотник торговых рядов объявляю вам, английской земли торговым людям, что то касается лишь изменных дел боярских и духовных. А о нас, ремесленных и торговых, должна быть от царя лишь забота: который товар и по какой цене купить и почем подлежит его продавать. А мы из купеческих слобод приданных новгородских Орешко и Корело, люди богаты, как торговали прежде, так и ныне торговать будем.

Рандольф. Однако, не убьет ли государь русский новгородскую торговлю своей яростью?

Коробов. Новгород остался богат, оправившись после Ивана Третьего погрома, деда нынешнего государя. И новый торговый путь через Белое море не убил нас. Так и ныне переживем. *(Слышны крики.)*

Первый торговец. Кто-то кричит.

Крики. Тревога! Великий князь наших переловил!

Первый из народа *(испуганно)*. Кто-то кричит!

Второй из народа *(испуганно)*. Купец кричит, бросивший товар. Торг окружен опричным войском.

Входят царь Иван, царевич Иван Иванович, Малюта, Грязной, духовник Евстафий, шут, опричники

Малюта. Жителя новгородские, государь великий царь, великий князь Иван Васильевич Всея Руси с наследником царевичем, милость вам сотворивший, изволил приехать на новгородский торг. Кланяйтесь государю!

Шут. Народ, кланяйтесь, государь приехал на торг, то платите деньги.

Иван. За что, шут, мне платить? Я же ничего не продаю.

Шут. С приезжего взимать плату за тепло, за стряпье, за капусту, за квас по четыре московских с человека. *(Смеется.)*

Иван. Новгородцы похваляются: «Мы, торговые, лучше». Чем мой шут не торговый человек? *(Смеется. Опричники смеются.)*

Шут. Я, государь, все пошлины знаю. Приезжаешь на торг, плати тамгу в мыт⁹ при переезде через таможенную заставу – передние калачи. Уезжаешь с торга, плати пошлину – задние калачи.

Иван. Так-то казну нашу государеву пополним. Отныне шута своего назначаю главным торговым человеком Новгорода. Собирать будешь, шут, пошлины. *(Смеется.)*

Шут. С монастырей брать ли, государь?

Иван. С истинных монастырей пошлины не брать, иное дело – с изменных.

Царевич Иван. Батюшка, а чего с монастырей не брать?

Иван. Монастыри, мальчик, издавно покровители русской торговли. Однак не еретичны отшельники и блудливые монахи, а воинствующая небесная рать – архангел Михаил, князь Борис и Глеб, воины Георгий, Дмитрий, Прокопий – святые воины избраны в покровители торговые.

Духовник Евстафий. Государь, также Никола Чудотворец и Параскева Пятница.

⁹ *Тамга* – на Руси это название употреблялось в XIII–XV вв. применительно к сбору с торговых сделок. *Мыт* – пошлина в Древней Руси.

Иван. Истинно! Торговля надобна для блага отчизны, не для иудина сребролюбия и измены ради латынства и зарубежных денег. Который же купец – лихоимец, то у бесов спытать надо, где его душа. Они же покажут ему его душу в лютом пламени. Кто сотник купеческих сего торга? Не ты ли?

Коробов (*низко кланяясь*). Я холоп твой, государь, Митрофанка Коробов, челом бью.

Иван. Страшно ли тебе да иным новгородским лихоимцам быти в бесовском пламени?

Коробов. Государь, мы в Новгороде не лихоимцы. Издавна в Новгороде были люди с капиталом, и жителя пользовались благосостоянием.

Иван (*сердито*). Хитростью то состояние нажито!

Коробов. Нет, государь, не хитростью. Новгород перед другими краями русскими славится признаками уместности повсюду. Ведь недаром же все предшествующие годы приглашали в Москву из Новгорода каменщиков, кровельщиков, резчиков по камню и дереву, иконописцев, серебряных дел мастеров да прочих.

Иван (*сердито*). Ишь как возгордился да возомнился! Вы тут и храмы новгородские возводите, желая быть лучше Москвы. А гляди, воспросишь: а мое место где есть? Они же, бесы, покажут тебе храмину, исполненную всякого зловония, и огонь палящий, говоря – се твое жилище.

Духовник Евстафий. Сказано: «Не прельщайся на золото и серебро, не собирай богатства неправого».

Иван. А спасишься хочешь, то делай так. По Евангелию сказано: «Жена твоя и дети останутся в одних сорочках, имение же раздели среди иных». Видишь, вон? (*Указывает на опричников.*) Среди них раздели людей божьих и государевых! Да на церкви подай.

Коробов. Нельзя, государь, нам без капитала оставаться. Ездим в Швецию и иные места. Также английской земли торговые люди нас навещают. (*Указывает на Рандольфа.*)

Рандольф (*кланяется кивком*). Государь русский, я английский купец Томас Рандольф, имею на новгородском торге торговый двор. Ныне веду разговор с купцом Коробовым да иными русскими купцами про дела торговые.

Иван. Так-то мне любо. Мы, как подобает государям христианским, милостиво оказываем честь иноземным купцам, особо английским, также и иным. По моему велению сделаны в Москве английские, литовские, армянские да прочие подворья. А в Новгороде немецкие, датские, шведские, голландские торговые дворы. Особо же английские подворья в Москве на Варварке за Покровским собором. Подарена мной для английских купцов усадьба в два этажа каменная, а в ней избы, поварни, конюшни, сад с яблонями, вишнями и грушами. Все то мной делается ради милосердия Божьего да ради дружбы с английскими и прочими торговыми людьми. Руси потребны английские товары, особо порох и пушки.

Коробов. Государь милостивый, в Новгороде куплены тысяча пятьсот пудов меди к пушечному и пищальному делу. Медь везем из Англии, Дании, Швеции, сами же на Руси мало производим. Продаем же воск, кожу и лен.

Иван. Сколько льна отвезли?

Коробов. Государь милостивый, сотнями кораблей, хоть в Ливонии война. Через Нарву только ежегодно сто судов больших и малых с льном и пенькой. Новгородский и псковский лен везем также в Ревель. Хлеб у нас не берут, а лен берут, также сало. Государь, за рубеж ежегодно десять тысяч пудов сала, соленое мясо, масло, сотни бочек, сотни пудов. Также меха: бобры, соболи, песцы, выдры, горностаи – все за рубеж. Внутрь мало.

Иван. Велика, гляжу, новгородская торговля, и торг велик.

Коробов. Велик, государь. На торгу тесно, лавки стоят иные у самой воды. Случается, лавка свалится в воду. Тут уж в торговых рядах торгуем в розницу. В гостином дворе – оптом. Оптом торговля хлебом на Хлебной горке. На Волховском мосту торговля сеном, на берегу Волховы – досками, скот на прогоне животинном.

Иван. Солью где торговля?

Коробов. Соляной двор имеем при дворе гостином.

Иван. Сколько амбаров?

Коробов. У нас вместо амбаров навесы. Приезжаем и складываем товар туда, оттуда развозим по торговым дворам.

Иван. У тебя на торговом дворе сколько амбаров?

Коробов. На моем дворе три горницы, три избы, сорок шесть амбаров на подклетьях для оптовой торговли.

Иван. Кто ж соль покупает?

Коробов. Государь милостивый, то в точности приказчики мои скажут.

Первый приказчик (*кланяясь*). Государь милостивый, от Соловецкого монастыря по амбарной книге (*заглядывает в книгу*) куплено шестьдесят тысяч двести сорок четыре пуда соли. Оптовые покупатели соли: вологжанин Исаак, Богдан и Иван костромитяне, Плохой и Нечай москвитины, Потап кашинец, казанец Ларь Пологжанин, ярославец Василий Великосонный, свияжец Гришка Любимец.

Иван. Гляжу, по всей Руси продаешь.

Коробов. Государь милостивый, Новгород – величайшее торжище вся Русь.

Иван. То раньше было, теперь Москва будет. Вижу, богатый ты купец. Не возгордился бы аки купец богатый из Вавилонии именем Бондар, имел у себя много золота и серебра и был в великой славе. Много ли у тебя золота и серебра?

Коробов. Мои для дела торговли потребны.

Иван. Кто ж у тебя деньги считает?

Коробов. Приказчик, государь милостивый.

Иван. Считать можете? Знаете перевод натур на деньги?

Первый приказчик. Знаем, государь милостивый.

Иван. Пересчитай-ко великие числа.

Первый приказчик. Тьма, легион, ворон, колода.

Иван (*приказчику*). Сколько в колоде воронов?

Приказчик. В колоде десять воронов. Я, государь, знаю удвоение и раздвоение чисел.

Иван. А земное верстание знаешь?

Приказчик. И земное верстание знаю. В сохе восемьсот четвертей.

Иван. Я сих приказчиков заберу в Москву служить. Такие парубки Руси нужны, а не жадному купцу. В приказах грамотных не хватает. Согласен ли ты, купец, отдать парубков?

Коробов. Государь милостивый, парубки арифметике обучены, они мне потребны.

Малюта. Как смеешь ты, мужик торговый, перечить государю!

Иван. Погоди, Малюта, сей человек, мужик торговый, впал в соблазн. Мы, христиане, тот соблазн должны рассеять, чтоб не вознесся тот мужик торговый надо мной, Самодержцем. Как купец Бондар из Вавилонии устроил пир велик и позвал на него царя и прочих знатных людей, и, повеселясь, разъехались, и рече купец жене своей: «Жена, был у нас царь и прочие персоны были. И призовем и Господа на пир. И устроил пир, и учредил мосты, и разложил сукна, и поставил сторожей с оружием, и позвал Господа на пир». Так и ты, купец, уж так возгордился, что Господа на пир к себе позвать хочешь. Вознесся надо мной, государем, а Новгород – над Москвой и Русью! (*Гневно.*) Взять купца на правож! Хай выкупит себя и прочих! И иных на правож! (*Опричники хватают купца. Бросаются, хватают торговых. Крики, шум.*)

Томас Рандольф. Государь, мы, английские купцы, к такому не привыкли, у нас такое не случается. Потому торговый двор свой мы запрем, а государыне нашей, королеве Елизавете, отпишем подробности.

Иван (*гневно*). Ежели так, то и мы твои дела оставим в стороне, ибо тем, кто хотят участвовать в нашем деле, да нам изменил, верить непригоже. А также их заступникам. Что ты меня поучаешь! В Англии на Лондонском мосту в один прием повесили триста человек, и моя сестра Елизавета показывала французскому да моему послу башни Тауэра, зубцы которого сплошь увешаны повешенными, да говорила: «Так-то мы выводим измену». А нам, русским, что ли измену выводить нельзя?

Томас Рандольф. Однако здесь, государь, не просто казнь, здесь всеобщий погром.

Иван. Мы право имеем выступить против изменников, не заботящихся о наших государских головах, о нашей чести и земле нашей, а лишь о своих торговых прибавках. А ты иди, ежели не согласен. (*Рандольф холодно кивает и уходит.*) Малюта, отписать надобно жалобу на Томаса Рандольфа али как он там зовется. Пусть забирают его. Не допускай его боле пред свои очи. А Антону сказать надобно, Дженкинсону, чтоб он боле таких к нам не выписывал. Хай торгует, а в дела наши не мешается. Не хотят торговать, да и не надобно. Мы, Московское государство, покамест без английских товаров не скудны были.

Первый опричник Ермолка (*пьяно*). Государь великий, новгородские жидовины все с иноземцами заодно. Мы в те поры на приступ ходили и за православну христианску веру кровь проливали. Они ж, поодаль сидя, наживались. Я тут с раннего утра имею многие замечания.

Малюта. Говори, верный слуга, государю, какие замечания.

Опричник Ермолка (*пьяно*). Какие имеются замечания? Надобно такие замечания указать: Микешка вон, перечит указам государевым. (*Показывает на опричника Микешку.*) С новгородскими жидовинами сошелся. Хлеб купил, деньги торговке заплатил. Тем он наше государево войско удручил.

Иван (*сердито*). Так ли, опричник?

Опричник Макаров. Государь мой батюшка, тронутый жалостью, заплатил я бедной вдове за хлеб, не желая брать его даром.

Иван (*гневно*). Ты указ порушил, государевым людям все даром брать. Повелеваю отсечь сему опричнику голову вместе с вдовой, а тела их с хлебом оставить на площади на показ всем три дни! (*Опричники рубят Макарова и вдову.*)

Малюта. Государь, громить ли торг?

Иван. Громить. Опричники, берите палицы железные да прочие, бейте торг новгородский! Рушьте все, калечьте! Более не вознесется Новгород над Москвой да над всей Русью! Мелкие ткани и мелкие товары берите с собой, а прочие товары – сало, воск, лен – свалить в кучи и поджечь. Приказываю истреблять купеческие товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы, выбивать окна, двери в окнах, истреблять домашние запасы и все достояние жителей.

Крики. Шум погрома

Грязной. Государь, нищих бить ли? По причине голода и мороза в Новгороде скопилось много нищих. (*Подходят нищие.*)

Царевич Иван. Батюшка, одно дело изменники новгородские, иное – нищие, они ведь люди Божии.

Иван. Истинно, мальчик. Откуда каличьи ватаги?

Нищие (*кланяются*). Государь милостивый, из пустыни Ефимьевой.

Второй нищий. Монастырь Боголюбов.

Третий нищий. По городам и селам бредем.

Царевич Иван. Батюшка, помочь идущим в святую землю помолиться за грехи ближних равнозначно собственной покаянной поездке.

Иван. Истинно, мальчик. Я, грешный, иной раз мечтаю снять с себя тяжелые царские бармы, тяжелую шапку Мономахову, надеть платьице старческое нецветное, обуть лапти белолицы, суму взять переметную вместе с клюшкой таволожной горбатой... Посетить да помолиться у Гроба Господня, аки с древности странники тянулись на поклон к святым чудесам Византии и к святым землям.

Царевич Иван. И я б то хотел!

Иван. Мальчик, не все ватаги доходят до Иерусалима. Одни стремятся к покаянному хождению, другие к беспечальному питанию.

Шут. Государь, и я желаю быть нищим, к святым присоединиться.

Иван. Отчего, шут?

Шут. Досыта кормят да допьяна поят, а злата-серебра насыпают им по суме. Имеется у меня давняя страсть к святым местам. *(Смеется.)*

Иван. Нищие – прибыльное занятие. Дворяне и дети боярские, потеряв по случаю имущество от пожара ли, или пропив, предпочитают просить милостыню. Не занимаются делом.

Царевич Иван. Батюшка, как истинно нищих богомольцев узнать? Кто то может?

Иван. То Бог может, поскольку они истинные люди Божьи. Потому я, царь, велю выгнать нищих за ворота города.

Нищие *(плачут)*. Пощадай, государь, за воротами города погибнем от голода и холода!

Иван. Кто истинный, не погибнет: тому Бог поможет! А ложные погибнут. Калики-странники, не меня просите грешного, земного, просите для ради Христа, Царя небесных. *(Опричники толкают и гонят нищих.)*

Духовник Евстафий. «Се роды пошли добру убожливые и на безумие обратились. За то на них Бог разгневался, положил на них напасти великие и страшные позоры».

Иван. Так разорив Новгород, Новгород спасу. Поставлю Новгород на путь истинный. *(Кричит.)* Бейте изменников, мучьте их, жгите на огне составом огненным. *(Смеется дико.)*

Шум погрома

Занавес

Сцена 9

Берег Волхова. У моста толпа полураздетых истерзанных новгородцев. Царь Иван, царевич Иван Иванович, духовник Евстафий, шут и опричники в шубах. Метет поземка. Резкий ветер разносит дым костров

Иван *(насмешливо)*. Так-то, новгородские ушкуйники, хорошо ли вам ныне тут, на берегу у Волхова моста?

Первый новгородец. Смилуйся, государь, дурно нам при ледяном ветре.

Второй новгородец. Дым глаза ест.

Иван. Что ж так? Дело вам привычное.

Царевич Иван. Они, батюшка, издавна к дурному привычны. Не по-Божьи живут, не по-христиански. Чинят всякую неправду, так ли?

Иван. Истинно, мальчик. Народ – простая чужь, мужики. И купцы их – те же мужики разбогатевшие. Они с первого посадника своего Достомысла жить в мире не могли. Чинили соседям всякие неправды и обиды и долгов не платили.

Духовник Евстафий. И новгородские бояре, государь, издавна не имея никаких Божьих правил, окромя семейных, свое берегли, чужое грабили, а меж собой усобничали. Усобицы тут, на Великом мосту. Разбушевавшись укрощал только владыка, входя с крестом на мост и становясь посреди драки.

Иван. Ныне, кроме меня, царя, укрощать Новгород некому. Владыка нынешний Пимен сам грешник-разбойник. Новгородские ушкуйники – разбойники старорусских времен, душегубством жили, усобицы всей Руси несли. Новгородские ушкуйники грабили на Волге, ездили на ушкуях грабить. Так ли?

Первый новгородец. Государь-батюшка, то прежде было.

Иван. Ой ли, прежде? В Новгороде терпите стеснение своего произвола, на стороне ищите простора, да всю Русь разбоем и усобицей, и обманом денежным угнетаете. А здесь же, в Новгороде, по новгородскому обычаю, с каждым пришельцем издавна деретесь на палках. Вот я, пришелец, позвал вас у Волхова моста похристосоваться. *(Смеется. Опричники смеются.)*

Шут. Государь, дай я покажу свою мочь, силу, бешеный задор. *(Размахивает дурацкой булавой.)*

Иван. Принимаете ли вызов моего шута? Тут, на мосту, издавна ведь споры свои решали, так ли?

Первый новгородец. Истинно, государь милостивый, давние споры новгородские софийской и торговой стороны решались тут, на мосту через Волхов, в кулачном бою.

Второй новгородец. Государь милостивый, на мосту прежде встречи частые, но не кровавые, с Софийской и торговой стороны, кто кого и как спихнет с моста в реку Волхов.

Иван. Ныне я, царь, пришел с вашими обеими сторонами драться и пихаться. *(Смеется. Опричники смеются.)* Дружина моя опричная, хотите ли драться с ушкуйниками новгородскими?

Грязной. Любо, государь! Приуправимся с мужиками новгородскими.

Иван *(скрежещет зубами)*. Бейте их!

Первый новгородец *(испуганно)*. Смерть наша близка, братья. Государь, зубы скрежещущи, приказал избить.

Иван *(свирепо скрипит зубами, кричит)*. Напускайтесь на тех изменников, секите, рассекайте, побивайте, никого живого не оставляйте, бейте их всех, новгородцев!

Мужик-новгородец. Злодей! И тебе Волхова, реки сей, не выпити! Всех новгородцев да не выбити!

Монах. Богородица охранит новгородцев. Взял я образ Божьей Матери. *(Поднимает кверху образ.)*

Царевич Иван. Батюшка, против образа Богородицы как идти?

Иван. Сатанские изменники тут, тот образ взяв, в кошун впали. Не с ними Богородица, но с нами. *(Кричит.)* Еретиков сжечь мудростью огненной! Опаленных привязывать к саням, волоча! За ними везти жен и детей! Женщинам связывать назад руки, к ногам привязывать их младенцев, и в таком виде бросать в Волхов! *(Дико вопит и смеется.)*

Шум погрома. Крик и плач женщин и детей

Грязной. Эх! Хороша потеха на Волхове! *(Смеется.)*

Иван. Ломаем руки, ноги, головы.

Опричник (*весело*). На мостике на волховском дружиной мужиков с бабами пощелкаем. (*Бьет.*)

Женщина (*вопит*). Сжалуйся, государь! Пощадай сынчишку моего, мальчика Сергия. (*Грязной сбивает ее. Она хватается Грязного за ногу.*) Человеченок мой, человеченко малый! Пощадай мальчика Сергия.

Грязной (*насмешливо*). Да что за тряпица за ногой волочится? Что за онуча привязалась? (*Смеется. Толкает ногой женщину.*)

Иван (*яростно*). Васютка, обдирай ее до гола! Сымай платье! (*Дико смеется.*)

Грязной. Любо, любо! (*Срывает одежду с женщины.*)

Иван (*яростно*). Вертите им головы, будто пуговицы! (*Дико хохочет.*) Привязывайте тонкими веревками за ноги, головы, бросайте с моста, добивайте тонущих!

Малюта. Опричники! Государь велел нам, своим государевым детям боярским, тех изменников, мучаных и поджаренных людей, за руки и за ноги и за головы вязати различно тонким ужищами. И привязывати их повелел по человеку к саням, и повелел их быстро за санями волочити на Великий Волхов мост, и метать с моста в реку Волхов, а жен и детей связывать вместе и метать их в ту же реку.

Опричники. Любо, любо!

Иван. По реке ездить моим царским слугам с баграми и топорами и добивать тех, которые всплывут.

Малюта. Так сделаем, государь. Опричники! И иные государевы люди, дети и боярские и воинские люди! В малых судах ездите по реке Волхов, с оружием, с рогатиной, и с копьями, и с баграми, и с топорами. И которые люди, муж и жена и всякий возраст, из глубины речной вверх по воде всплывет, тех людей копьями да рогатинами, да топорами секуща без милости в глубину речную сурово погружати, предаючи их, изменников, лютой и горькой смерти.

Опричники. Любо, любо! (*Бьют.*)

Шут. И я дубец возьму, прутик. (*Размахивает дурацкой булавой.*)

Иван. Мальчик, отчего ты прежде бил изменников, а ныне не бьешь?

Царевич Иван. Приутомился я, батюшка. Неможется мне. Кваску бы горячего попить, на морозе стоячи, на ветру ледяном.

Шут. Попей, царевич, руды¹⁰ заместо кваску, и она горяча и красна.

Иван (*толкает ногой шута*). Молчи, шут. Эй, квасу горячего! (*Приносят квас.*)

Шут. Хорош квасок. В чанах солод затирается с мукой овсяной в сусло. Дай и мне попить.

Иван. Тебе, шут, квасная дробь, которая на корм скоту. (*Смеется.*)

Шут. Государь, и дробь поем, ежели с хлебом. (*Смеется.*)

Иван (*пьет квас*). Малюта, сколько побито, на воротах написать.

Малюта. Так пишем, государь великий. На воротах записки делаем, по углам номера выставляем, что эта улица уже казнена.

Грязной. Писано, Малюта, которую мы с тобой улицу мели, ехали, секли, рубили до единого. (*Смеется. Пьет квас.*) Государь, и татар из тюрьмы сюды привели.

Иван. Се пленники схвачены, ведите их сюда. (*К сыну.*) Иван-сын, мальчик, а чего не пьешь квас, который возжелал? Горяч квасок исцеляющ. А хочешь ли, лечца кликнуть?

Царевич Иван. Помыслил я, батюшка, не от квасу мне исцеление, да не от лечца. От молитвы, ежели Бог пожелает. Видел я, батюшка, сон дурной. И от того видения ужасного занемог. И не говорил о том, пробудившись в страхе и ужаса исполненный.

¹⁰ Руда – кровь (*др. – рус.*).

Иван. То, Иван-сын, демон над нами властвует, желает нам зла от еретиков новгородских напущена. Что видел?

Царевич Иван. Видение церкви, батюшка, и ты со мной шел и видел свет в церкви, какого прежде николи не было. И святого Прокопия, идущего в церковь в западные двери, и тот святой Прокопий нам угрожал. И тут же видел брата моего Федора, близ меня стоящего с рыданием. И захотел бежать из той церкви, а ты, батюшка, меня удержал.

Иван. Демон то в облике праведного Прокопия Устюжского Чудотворца. Что говорил тебе цышос обо мне, то все ложь. Пробудившись, надобно говорить: «Отойди, проклятый демон!» Да псалтирь глаголет. Отец же мой духовный соборной церкви протопоп Евстафий почнет над нами псалтирь глаголет сем вечером. Так и пройдет.

Евстафий. Так, государь милостивый, демонов покорим.

Грязной. Государь великий, пленных привели уж. *(Вводят пленных.)* Тут содержащиеся в темницах и башнях пленные немцы, поляки и татары.

Евстафий. Вот он, государь, демон латынский и бусерменский.

Иван. Они, ходя войной на Русь, села и города разоряли, а Новгород со Псковым к измене склоняли.

Малюта. По твоему, государь, велению собраны пленные полочане и немцы, и татары, которые содержались в тюрьмах, а частью помещены были в домах.

Иван. Сии пленные, схвачены по моему велению, крепко должны быть, охраняемы. Новгородские же изменники, чтоб уязвить мою царскую власть, смирялись перед ними и повиновались им в их еретичных желаниях, и одаривали их подарками, и давали для них славны пиры, желая совершить измену. Как и новгородцев, приказываю убивать их перед моими глазами. *(Кричит.)* Тащите их на берег, рассекайте на части, бросайте под лед, палками под лед заталкивайте. *(Опричники бросаются на пленных.)*

Татарин *(кричит)*. Мурзы татарские! Все умрем за юрт! Бей свиноядцев! *(Бросается на опричников. Драка. Двое опричников падают.)*

Малюта. Рубите их!

Татарин *(кричит)*. Аллах! За великую и древнюю нашу веру! *(Бьет Малюту. Тот падает.)*

Татарин *(хватает его саблю)*. А ты, русский царь Иван, про себя пекись! Не царь ты нам! И землей нашей Казанской тебе не управлять! *(Идет на царя с саблей.)*

Иван *(испуганно)*. Остановите его! *(Пятится назад. Падает. Испуганно кричит.)*

Татарин. Эх ты, рус! *(Замахивается саблей.)*

Грязной подбежал сзади, убивает татарина. Опричники убивают всех татар

Грязной. Государь милостивый, варвар повержен.

Царевич Иван *(кричит)*. Батюшка мой, жив ли?

Малюта *(зажимает текущую из раны на голове кровь)*. Цел ли ты, государь милостивый?

Опричники поднимают царя с земли

Иван. Лютый зверь, закованный в цепи, не хотел смириться с участью своей, смерти моей возжелал. Но царская смерть без ведома Божьего не случается! Также и смерть любого другого человека, ибо все Божьими руками охраняется, все умирает судом его Божьим. Никто не может быть убитым до назначения его дня.

Уходит с царевичевым духовником и шутом, окруженный опричной охраной

Погром продолжается

Занавес

Сцена 10

Городище. Из оставшихся в живых с каждой улицы собрано по лучшему жителю. Царь дает им в воеводы боярина Пронского и уезжает в Псков, посылая Малюту в Москву

Сцена 11

Монастырь Святого Николая в Люботове, неподалеку от Пскова. Ночь. Слышен отдаленный звон множества колоколов. Царь Иван, царевич Иван Иванович, опричники

Царевич Иван. Батюшка, отчего звонят в ночи псковские колоколы?

Иван. Услышав звон в псковских церквах, понял я, что псковичи готовятся к смерти.

Царевич Иван. Смерть убо¹¹ всем ли, батюшка? Ведь тут, батюшка, Псковская земля, где святой старец Филофей жил да провозгласил первым: «Москва – Третий Рим».

Иван. То, мальчик, прежде было. Ныне Псков заодно с новгородскими крамольниками. Игумен псковского Печерского монастыря да келарь Вассиан Муромцев в переписке с злейшим врагом моим и отечества собакой Андреем Курбским. Давно известен игумен ненавистью и злобой против Москвы, и смерти мне желает.

Грязной. Государь, сказнить его да иных, объявив: всепроклят тот, кто государский убийца.

Иван. То утром делать будем, въехав в город, ныне же, подъехав к Пскову ночью, поспим тут в Люботове в монастыре Святого Николая. (*Уходит.*)

¹¹ *Убо* – союз: итак, сего ради, посему, следовательно, стало быть; ибо, так как, потому что (*церк., стар.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.